

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему «Особенности лингвистической экспертизы
речевых актов оскорбления и угрозы»

Студент Т. А. Соколова

Научный д-р. пед. наук, проф. Л.А. Сомова
руководитель

Допустить к защите

И.о. заведующего кафедрой канд.пед.наук, доцент
М.Г. Соколова

« » 2017 г.

Тольятти 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1	
КОНФЛИКТНЫЙ ДИСКУРС: ФУНКЦИОНАЛЬНО-РЕЧЕВОЙ АСПЕКТ	10
1.1. Особенности конфликтогенного дискурса.....	10
1.2. Модели анализа инвективного дискурса.....	14
Глава II	
ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ОСКОРБЛЕНИЯ И УГРОЗЫ НА ПРИМЕРЕ МЕДИЙНЫХ РЕЧЕВЫХ СОБЫТИЙ.....	19
2.1. Проявление речевой агрессии в средствах массовой коммуникации.....	19
2.2. Коммуникативные стратегии и тактики, «организующие» речевые акты оскорбления и угрозы.....	22
2.3. Методы и приемы анализа речевых актов оскорбления в предвыборном ток-шоу В.Соловьева «Поединок».....	33
2.4. Изучение студентами-филологами текста / дискурса в аспекте речевой конфликтности с целью выявления речевых актов оскорбления	39
2.5. Методика первичного освоения студентами-магистрантами содержания и структуры лингвистической экспертизы текста.....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	61
ЛИТЕРАТУРА.....	64
Приложение 1.....	74
Приложение 2.....	79
Приложение 3.....	94

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистическая экспертиза в настоящее время является областью деятельности, которая привлекает повышенное внимание исследователей в области коммуникативной лингвистики, стилистики, юриспруденции, неориторики и других наук, предметом исследования которых является текст в его многогранных проявлениях. Проблемы, связанные с коммуникативными намерениями говорящих, способами построения разного рода речевых актов, функционированием речевых жанров, юридизацией естественного языка, закономерностями воздействующей речи успешно решаются в работах Н.И. Формановской, И.П. Сусова, О.Я. Гойхмана, Т.М. Надеиной, Т.В. Шмелевой, И.А. Стернина, А.А. Волкова, В.И. Аннушкина.

В целом современная лингвистика (конца XIX - начала XXI века) характеризуется следующими чертами (Е.С. Кубрякова) [57]: «экспансионизм» (размывание границ, выход в смежные области); антропоцентризм (обращенность к проблеме «человек в языке»), неофункциональность (изучение употребления языка, рассмотрение его в деятельности); экспланаторность (объяснительность). Отмечают и такое явление, как кризис речевой коммуникации.

Эти и другие предпосылки развития новых направлений лингвистической науки позволяют ставить и решать сложные вопросы, связанные с лингвистической экспертизой речевых актов. Наиболее интересных и значимых результатов в этой области добились ученые Алтайского государственного университета (кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации). Активно развивается данное направление в Тольяттинском государственном университете: создана

кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика», производится набор абитуриентов в магистратуру (45.04.01. *Филология, профиль Лингвокриминалистика*). Эффективную помощь в проведении лингвистической и автороведческой экспертиз спорных русских текстов (публикаций, документов, теле- и радиопрограмм), товарных знаков оказывают такие сообщества, как гильдии экспертов-лингвистов. Так, члены гильдии «ГЛЭДИС» эффективно работают в 28 субъектах Российской Федерации – республиках, краях и областях. Но проблемы остаются. Меняются не только лингвистические, но и этические нормы.

Конечно, проблемы нарушения норм русского языка связаны с кризисом речевой коммуникации общества в целом. М.В. Горбаневский, Ю.В. Караулов, В.М. Шаклеин в 2000 году написали работу, в название которой положен не то речевой акт просьбы, не то приказа: «Не говори шершавым языком» («О нарушении норм литературной речи в электронных и печатных СМИ» [15]. Уже через десять лет М. Кронгауз выскажется резко, опубликовав не только печатную, но и электронную версию книги «Русский язык на грани нервного срыва» [56]. Особое внимание в этой книге он уделил лингвистической экспертизе (глава «Правка языка», параграф «Осторожно: лингвистическая экспертиза»). Чтобы показать «ограниченность и условность применения лингвистической экспертизы», автор предложил несколько пародийных экспертиз по делам, «возбужденных» против сказочных героев: зайца, волка, медведя (из сказки о колобке), работника Балды и Бармалея. Смешно, резко, даже, порой, колюче звучат эти пародии.

«Лингвистическая экспертиза не бессмысленна, она просто не должна подменять собой юридическую процедуру. Лингвист имеет дело исключительно со словами и текстами, их значениями и скрытыми смыслами, он вскрывает двусмысленности и предлагает различные интерпретации, но он не может и не должен выносить вердикт», - пишет

М. Кронгауз [56, с. 45].

Какой быть лингвистической экспертизе? Методологические проблемы; проблемы анализа текстов с неявной коммуникацией, медиатекстов; «речевой конфликт в аспекте множественности интерпретаций речевых произведений», выявление признаков «текстов дискредитирующего типа», речевых актов оскорбления - всё это требует дальнейших исследований и свидетельствует **об актуальности выбранной темы** «Особенности лингвистической экспертизы речевых актов оскорбления и угрозы».

Интересным явлением стали стихотворные тексты Д. Быкова на злобу дня, сочиненные в рамках медиапроекта «Гражданин поэт». Это своеобразная стихотворная публицистика, в которой, к сожалению, автор пытается не поэтическим «глаголом жечь сердца людей», а речевым актом дискредитации, работая в поле конфликтной коммуникации, сетевого троллинга. Совсем иным задачам служит речевой акт оскорбления в предвыборном ток-шоу В. Соловьева, где взаимные оскорбления В. Жириновского и А. Пугачевой необходимы ведущему для каких-то иных целей. Исследовать такие явления с позиций лингвокриминалистики, на наш взгляд, перспективно: это позволит раскрыть некоторые существенные свойства конфликтной коммуникации.

Все это предопределило **цель нашего исследования**: выявить особенности лингвистической экспертизы текстов, содержащих речевые акты оскорбления и угрозы (на примере медийных речевых событий).

Объект исследования – речевые акты оскорбления и угрозы в аспекте лингвокриминалистики.

Предмет исследования – особенности лингвистической экспертизы (методы и приемы анализа) речевых актов оскорбления и угрозы, выявленные в современных медиадискурсах (ток-шоу В. Соловьева

«Поединок», медиапроект «Гражданин поэт» Д. Быкова, скандальные заявления в СМИ медийных лиц – певца Ф. Киркорова, репера Басты).

Методы исследования: комплексный анализ текстов, лингвистическое моделирование, сравнительно-сопоставительный метод, метод педагогического эксперимента.

Задачи исследования:

1. Исследовать функционально-речевой аспект актуализации конфликтного дискурса, речевой агрессии с тем, чтобы описать далее особенности функционирования речевого акта оскорбления.
2. Выявить и описать структуру речевого акта оскорбления.
3. Показать, как проблема анализа (методы и приемы) коммуникативных актов оскорбления и угрозы связана с жанром, сферой коммуникации, множественностью интерпретаций, задающих вектор полифункционального, комплексного исследования текста.
4. Показать, как использование элементов лингвистической экспертизы речевых актов оскорбления и угрозы позволяет студентам анализировать содержание медийных текстов / дискурсов.
5. Определить специфику методов и приемов анализа речевых актов оскорбления и угрозы при анализе текстов Д. Быкова (медиапроект «Гражданин поэт»), интеракций диалогов, прозвучавших в программе В. Соловьева «Поединок», и других дискурсивных явлений.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют классические научные труды отечественных и западных ученых, а также современные публикации в области прагматической лингвистики.

Теоретической базой исследования послужили работы следующих ученых: Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, В.И. Аннушкина, М.М. Бахтина, А. Вежбицкой, А.А. Волкова, О.Я. Гойхмана, Н.Д. Голева, Т.М. Надеиной, И.П. Сусова, И.А. Стернина, Н.И. Формановской, Т.В. Шмелевой.

Эмпирической базой исследования являются медиатексты / дискурсы спорного характера, требующие привлечения лингвистической экспертизы (ток-шоу В. Соловьева «Поединок», медиапроект «Гражданин поэт» Д. Быкова, скандальные заявления в СМИ медийных лиц – певца Ф. Киркорова, репера Басты).

Положения, выносимые на защиту:

1. Учитывая, что главный источник конфликта – «возможность разной интерпретации исходной пресуппозиции (коммуникативного намерения)», важно при проведении лингвистической экспертизы обращать внимание на коммуникативные стратегии говорящего, исходя из конкретной речевой ситуации в контексте целостного речевого произведения.
2. При анализе коммуникативных актов оскорбления и угрозы необходимо учитывать множество параметров: жанр, сферу коммуникации, коммуникативную ситуацию, фактор «множественности интерпретаций», задающих вектор полифункционального исследования спорного текста.
3. Тактика угрозы, также как и оскорбление, является частью стратегии на понижение или инвективной стратегии и заключается в запугивании оппонента, пророчестве ему наказания в будущем; для тактик, за счет которых реализуется стратегия на понижение, характерно имплицитное и эксплицитное отрицательное отношение к ситуации и к оппоненту.
4. С развитием свободы слова развилось и ощущение вседозволенности, а

коммуникативные стратегии в медиапространстве зачастую перестали выбираться интуитивно и перешли в формат совершенно осознанно используемых инструментов речевого воздействия.

Новизна работы: большинство теоретических работ в сфере прагматической лингвистики (анализ спорных текстов), отмечая возможность «множественности интерпретаций» направлены на исследование структуры речевых актов, в том числе оскорбления и угрозы. В нашей работе мы сравниваем интерпретации текстов, выявляя общность устоявшихся структур лингвистической экспертизы, заостряя внимание на необходимости учета речевых стратегий и тактик говорящего, приобретающих особое значение в медиапространстве. Предлагаются способы аудиторной работы по совершенствованию компетенций лингвистов, осваивающих лингвокриминалистику.

Теоретическая значимость. Исследование углубляет и уточняет актуальные лингвистические понятия в сфере прагматической лингвистики («речевая агрессия», «коммуникативные стратегии и тактики», «Речевой акт оскорбления»). Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения спорных медиадискурсов.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее основных положений и выводов в практике преподавания теории коммуникации, коммуникативной лингвистики, а также для составления пособий. Методика анализа спорных текстов может быть использована для совершенствования навыков лингвистической экспертизы студентами-магистрантами, а сам материал диссертационного исследования найдет применение при подготовке учебных материалов для обучения лингвистической экспертизе.

Вся **структура** данного исследования направлена на решение сформулированных задач.

Работа состоит из введения, двух глав, подразделенных на параграфы, заключения и библиографического списка.

В первой главе представлен конфликтный дискурс в функционально-речевом аспекте. Исследуются особенности такого дискурса, выявляются перспективные модели анализа инвективного дискурса. *Вторая глава* посвящена особенностям лингвистической экспертизы речевых актов оскорбления и угрозы на примере медийных речевых событий. Заостряется внимание на распространении речевой агрессии в СМИ, в интернет-пространстве; выявляются речевые стратегии и тактики, «организующие» речевые тактики оскорбления и угрозы; показываются эффективные способы освоения студентами-магистрантами методов и приемов анализа речевых актов оскорбления и угрозы.

Глава 1

Конфликтный дискурс: функционально-речевой аспект

1.1. Особенности конфликтного дискурса

Н.Д. Голев, говоря о типологии конфликтов, выделяет специальные и универсальные уровни, первые обусловлены ситуацией конфликтного общения и особенностями ее участников, вторые определяются, исходя из разных видов конфликтов – социальных, психологических, юридических.

Речевые конфликты в бытовой сфере могут проявляться в жанрах оскорбления, угрозы. В сфере массовой коммуникации чаще всего речевые конфликты и их последствия требуют защиты чести, достоинства, деловой репутации, выявления и наказания за экстремистскую деятельность.

Юридизация некоторых лингвистических аспектов речи позволяет наказать виновных в оскорблении (статьи 297, 319 УК РФ), угрозе (статьи 110, 119, 163, УК РФ). В судах слушаются гражданские дела «о защите чести, достоинства и деловой репутации» (ст. 151, 152 ГК РФ) и уголовные дела по обвинению в клевете (ст. 129, 298 УК РФ). Специально выделены уголовные дела по обвинению «в экстремистской деятельности, в возбуждении расовой, религиозной, национальной и социальной ненависти и вражды» (статьи 280, 282 УК РФ). Мы видим, что оскорблять другого человека не просто неразумно, но и часто уголовно наказуемо. Однако при проведении лингвистических экспертиз такого рода возникает немало проблем.

Так, например, 19 сентября 2011 года Максим Кронгауз, директор Института лингвистики РГГУ, выступил на страницах газеты «Известия» с критикой лингвистической экспертизы, которая была использована в уголовных делах по ст.282 УК РФ (возбуждение ненависти). Вот, что он пишет:

«Предупреждаю. Я хороший. Я за хороших. Но я против лингвистической экспертизы по статье 282 УК РФ, даже если она в пользу хороших. Потому что это вранье. За хороших можно бороться и с помощью вранья, но вот наука (а лингвистика — наука) врать не должна» [55].

Причину таких явлений, на наш взгляд, хорошо объяснил Н.Д. Голев, подчеркнув конфликтогенность самого языка и такого явления, как «множественность интерпретаций» одного и того же речевого произведения.

Ученый пишет о том, что в теории коммуникации конфликтология (В.И. Жельвис, М.Ю. Крысин, К.Ф. Седов и др.) давно исследует неблагоприятные ситуации и эпизоды, конфликтогенные факторы. Н.Д. Голев отмечает: «Речевая конфликтность заложена в самой природе языка как системно-структурного образования и природе речевого общения» [13]. Он основывается на осмыслении закономерности антиномии плана содержания и плана выражения, а также антиномии адресата-автора и адресата-интерпретатора. Закономерность антиномии объективной и субъективной сторон языка хорошо обосновывает П. Рикер: «Любое речевое произведение является носителем потенциала множественной интерпретации, и, следовательно, любое из них может стать детерминатором коммуникативного конфликта интерпретаций» [13]. Н.Д. Голев считает, что именно возможность разной интерпретации коммуникативного намерения становится главным источником конфликта. И вновь здесь вспомним вышеупомянутое выступление М. Кронгауза, отметившего, что все «втянуто в некую юридическую игру» [56]. Авторы экстремистских текстов часто не используют прямых призывов, зато используют подтекст, намеки и умолчания. Ученый предупреждает: «Запрещать подтекст бессмысленно. Если он кому-то нужен, он просто будет уходить все глубже» [55].

На наш взгляд, такая языковая игра разворачивается и при конфликтном речевом общении Д. Быкова с Интернет-аудиторией в рамках

медиа-проекта «Гражданин поэт». Оскорбления первых лиц государства в текстах Д. Быкова завуалированы подтекстом, метафоричностью речи, аллюзиями, которые достаточно прозрачны (см. вторую главу данной работы). Да и весь данный проект нацелен на конфликт. Конфликт (в широком смысле) проявляется уже в том, что автор пишет, по сути, пародийные тексты, исходным материалов которых становятся произведения В.В. Маяковского, С.А. Есенина, Н.А. Некрасова, А.С. Пушкина и многих других поэтов. Пародируется порой не только ритмический строй, но и содержание. Так, например, пародия Д. Быкова на стихотворение Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка» называется «Двадцать лет – ни хрена нет» (думается, что на концертах, то есть в версии не для Интернет-издания, предпоследним было нецензурное слово). В данном случае – это лишь эпатаж, и вряд ли можно здесь рассмотреть какое-либо оскорбление. Автор данного эпатажного текста всего лишь спорит с поэтом Маяковским, возвестившем в своем стихотворении: «Я знаю - город будет, я знаю – саду цвести, когда такие люди в стране в советской есть!». Как же в этом специфическом случае (все-таки – стихи) проявляется речевой конфликт? Текст Д. Быкова находится в оппозиции авторскому замыслу В. Маяковского, причем Быков заостряет ее, споря с поэтом: «Осталось пить без просыпа / До белых поросят / Здесь нет другого способа / Устроить город-сад».

Речевая конфликтность налицо, но нет речевого акта оскорбления: кто знает, может быть, поэт Маяковский похлопал бы по плечу такого собрата по перу, оценив его сарказм.

Отметим, что все тексты Д. Быкова (в исполнении М. Ефремова) на злобу дня объединяет одна речевая стратегия – разбудить сознание слушателей, одни из которых поддержат политические выпады автора, а другие – возмутятся. Сами стилизованные тексты организуют такое

конфликтное поле, собирая вокруг себя сторонников и противников. Сам жанр стихотворений-подражаний, усиленный речевой агрессией провоцирует читателя-слушателя. У медиапроекта – поликодовая структура: в конце чтения звучит выстрел в помятый бумажный портрет Маяковского. В начале – звук наливаемой водки, надпись на бутылке: «Сказка продолжается с водкой «Володя и медведи».

Мы видим, что конфликт оформлен как протекающее во времени коммуникативное событие: есть и динамика, и сценарий. Да и речевая стратегия Д. Быкова – конфликт с властью всеми доступными стихотворному тексту способами.

Н.Д. Голев пишет, что главный источник конфликта – «возможность разной интерпретации исходной пресуппозиции (коммуникативного намерения). Без «реконструкции» (подразумевания) пресуппозиции полноценная интерпретация любого высказывания в естественных коммуникативных ситуациях по существу невозможна» [13]. Заставляет задуматься и такое размышление ученого: «множественность интерпретации обусловлена невозможностью совмещения двух сознаний - реального автора и реального адресата. Адресат-интерпретатор может реализовывать свои цели: «опираясь на виртуальный образ подразумеваемого автора и его интенции, извлечь информацию, вписывая интерпретируемый текст в существующий контекст, языко-речевой, коммуникативно-ситуативный» [13]. По сути, читая текст Д. Быкова, можно на основании собственной картины мира (противоположной авторской) развить конфликт далее, заостряя внимание на отдельных речевых актах адресанта, «раздувая» их инвективное значение.

Но это означает, что смысл и структура текста адресата уже несут в себе такой «агрессивный потенциал».

1.2. Модели анализа инвективного дискурса

Когда перед нами бытовая сфера и речевые жанры имеют явно инвективный характер, проблем их анализа и лингвистической экспертизы в дальнейшем (если возникает такая необходимость) не возникает.

Что же такое инвективный дискурс? Для того чтобы разобраться в этом, обратимся к исследованиям в этой области Т.В. Чернышовой и К.И. Бринева.

Инвективный дискурс определяется исследователями как особая – оскорбительная – речь. Как правило, это резкое выступление против кого-либо, окрашенное негативными эмоциями. Именно оскорбление приводит участников коммуникации к необходимости правового регулирования речевого конфликта.

Инвективный дискурс – эмоционально-оценочный, для него характерна эмотивно-оценочная модальность содержания, которая реализуется за счет инвективно окрашенной лексики и фразеологии. Такой дискурс реализуется через особые речевые акты, рамки которых создают представление о речевом жанре оскорбления. Т.В. Чернышовой и Е.В. Голощаповой описаны типологические модели речевого акта оскорбления. Г.В. Кусов, считает, что «при оскорблении коммуникативное давление на личность происходит через воздействие на ее ценностную сферу, составной частью которой является социальный статус индивида». В лингвоправовой практике, как отмечает Т.В. Чернышова, под оскорблением понимается «сознательное нарушение конвенциональных правил». Следуя коммуникативному кодексу личности, она обязана «выбирать сопоставимые с социальными нормами способы общения, другими словами уважать коммуникативные права остальных участников коммуникации». Это социальный аспект лингвоправовой практики. В лингвистическом отношении оскорбление рассматривается как

самостоятельный речевой акт, направленный на достижение определенной прагматической цели. К.И. Бринев считает, что конфликтное речевое взаимодействие может развиваться в двух направлениях:

1. Это высказывание, выполняющее инвективную функцию, реализующееся через оскорбительную речь, брань выпад (имеющие целью нанесение психологического ущерба адресату). Такой речевой акт оскорбления, по мнению К.И. Бринева и Т.И. Чернышовой, будет представлен следующим образом:

- а) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб.
- б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю X.
- с) Говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб, где X – оскорбительное слово или выражение».

2) Это оценочное высказывание, направленное на понижение статуса коммуниканта, цель которого – «утвердить свое превосходство по отношению к адресату сообщения». Данный речевой акт можно описать следующей формулой:

- а) Знаю, что ты сделал X.
- б) Знаю, что X считается негативно ценным.
- с) Говорю тебе, что ты сделал X или занимаешься X.
- д) Говорю тебе это для того, чтобы ты знал, что твой статус ниже моего.

К.И. Бринев предлагает еще и такую схему, в которой оскорбление является составной частью манипулятивного речевого акта с измененным параметром условий искренности:

- А) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб
- Б) Считаю, что говорить в твой адрес X необоснованно
- В) Говорю тебе X
- Г) Говорю тебе X затем, чтобы ты реагировал на X

Однако автор данной модели отмечает, что с точки зрения юриспруденции вторичные функции оскорбительных речевых актов не будут важными, так как цели и мотивы производства таких речевых актов несущественны.

Т.В. Чернышова пишет, что «для речевого жанра «оскорбление» в условиях обыденного межличностного общения актуальными являются оба направления развития инвективного взаимодействия адресатов» [86]. Т.В. Чернышовой в ходе исследования типологических моделей речевого акта оскорбления была актуализирована модель речевой коммуникации Р.О. Якобсона, в соответствии с которой были предложены следующие «точки» анализа речевого акта оскорбления [85]:

1) участники конфликтной ситуации: «инвектор» (обидчик, оскорбитель) и «инвектум» (обиженный, оскорбленный) с учетом следующих характеристик:

а) численность и соотношение участников конфликта (лицо / группа лиц – наличие свидетелей конфликта);

б) социальный статус конфликтеров (пол, возраст, должность/ранг, профессия);

2) форма передачи сообщения (письменная / устная);

3) характеристика конфликтной ситуации (контекст), включающая причину возникновения речевого конфликта, фоновую информацию, предмет и причину разногласий;

4) характер конфликтного взаимодействия (контакт), обусловленный особенностями коммуникативного развертывания конфликта, отношениями между конфликтующими сторонами и т.п.;

5) языковой код, способствующий развертыванию конфликтной ситуации в речевой конфликт (наличие инвективной лексики, нарушение этикетных норм и т.п.).

Оскорбление, дискредитация личности в медиасфере требуют комплексного анализа.

По мнению исследователей, языковые механизмы дискредитации в этом случае обусловлены особенностями протекания коммуникативного речевого акта в медиасфере. Структурно-логическая и языковая организация медиатекстов вытекает из его стилеобразующих признаков.

Ученые Алтайской школы лингвокриминалистики предлагают проводить анализ текстов с целью выделения их типологических признаков по схеме, которая объединяет несколько методических процедур. Эти процедуры направлены на комплексное описание изучаемого объекта:

1. Определение оценочного потенциала заголовочного комплекса.
2. Констатация факта, послужившего основой для оценочного комментария.
3. Выделение на основе текстового анализа речевых актов, с помощью которых реализуется стратегия на понижение (стратегия дискредитации), позволяющих установить речевой замысел или речевую волю говорящего.
4. Описание структурно-логических и композиционных особенностей и их роли в формировании стратегии «на понижение».
5. Характеристика средств и способов, реализующих стратегию дискредитации (языковых и композиционных).
6. Учет единичности / множественности публикаций оценочного типа, посвященных одному и тому же субъекту речи.

Таким образом, исследуя разные подходы к речевым актам, направленным на оскорбление личности, ее дискредитацию, мы выявили, какие модели могут быть использованы в практике лингвистической экспертизы. Кроме того, мы установили, что при анализе коммуникативного

акта оскорбления необходимо учитывать множество параметров: невозможно анализировать речевые акты оскорбления без учета жанра, сферы коммуникации, фактора множественности интерпретаций, задающих вектор полифункционального исследования спорного текста. Используя метод комплексного исследования речевого акта оскорбления на основе моделирования коммуникативных ситуаций, пошагового описания моделей, выявления интенций говорящих, лингвокриминалистическая экспертиза стремится к объективному исследованию спорных текстов.

Глава II

Особенности лингвистической экспертизы речевых актов оскорбления и угрозы на примере медийных речевых событий

2.1. Проявление речевой агрессии в средствах массовой коммуникации

Конфликтное общение деструктивно по своей природе. Когда в общение «врываються» речевые акты оскорбления, это, на первый взгляд, разрушает успешную коммуникацию. Коммуниканты идут на конфликт, полагая, что именно он является наиболее действенным и быстрым способом решения проблем. Сегодня речевую агрессию (особенно в СМИ) можно сравнить по уровню опасности с агрессией физической. Агрессивное речевое поведение вызывает деструкцию языковой личности. Тем не менее, в различных ток-шоу на телевидении именно речевая агрессия становится лейтмотивом общения.

Связано это с тем, что современные СМИ и Интернет-ресурсы, руководствуясь положением о свободе слова, открыто выражают свою позицию касательно той или иной проблемы. Такое выражение может быть как позицией всего издания или канала в целом, так и отдельно взятой личности. Относительно недавно Правительство Российской Федерации ограничило свободу слова введением положения о запрете использования нецензурной лексики в СМИ. Однако инвектива – не единственный способ проявления речевой агрессии.

Проблема массового распространения речевой агрессии возникла относительно недавно и активно изучается. Связано это с тем, что сегодня этот феномен проникает практически во все сферы нашей жизни – в бытовое общение, в политику, в экономику, в рекламу, в художественные

произведения, и, конечно же, в СМИ и общедоступный Интернет. Речевая агрессия может пробуждать разные коммуникативные намерения. Кто-то пытается оскорбить оппонента в споре, кто-то дискредитировать. Речевая агрессия возникает в разных обстоятельствах и поэтому приобретает разные формы словесного воплощения.

Термин «речевая агрессия» не имеет однозначной трактовки. Да и само понятие может быть обозначено в разных синонимичных словосочетаниях: речевая агрессия, вербальная агрессия, языковая агрессия, словесная агрессия. Определить речевую агрессию как негативное воздействие? Слишком широко и абстрактно.

Современные психологи и лингвисты предлагают несколько определений данного понятия. Так О.Н. Быкова называет речевой агрессией «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [8]. В.Ю. Апресян относит к речевой (языковой) агрессии все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств. Ю.В. Щербинина суммирует различные определения и в обобщенном виде называет речевой агрессией «проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [94, с. 9].

Проявлением речевой агрессии принято считать те высказывания, цель которых заключается в провоцировании у слушателя незамедлительной отрицательной реакции. Как правило, для построения высказывания с определенным коммуникативным замыслом используется соответствующий набор приемов и средств речевой выразительности. Такие средства можно выделить и в высказываниях, содержащих речевую агрессию.

Основным способом и средством выражения речевой агрессии является лексика. Верная либо же неверная трактовка слова, используемого в качестве средства речевой агрессии, зависит от многих факторов, включая внелингвистические.

К средствам речевой агрессии причисляют немотивированное использование иноязычной лексики, жаргонизмы или арго, инвективную лексику, пословицы и поговорки с явным отрицательным смыслом, неологизмы, авторские слова, слова с полисемией, а также частотное и неуместное использование эвфемизмов, метафор или выражения иронии.

Все перечисленные выше средства могут использоваться как в устной, так и в письменной речи, поскольку проявление речевой агрессии не всегда выражается только в непосредственной коммуникации с участием двух и более оппонентов. Речевая агрессия может проявляться на письме: в текстах газетных статей, Интернет-текстах, комментариях и т.д. Журналисты, ведущие телевизионных программ, активно используют приемы, провоцирующие речевую агрессию собеседников для того, чтобы создать атмосферу шоу-дебатов, острых словесных поединков. Тем самым превращая речевую агрессию в специфический информационный повод, а оскорбление в катализатор дискуссии в средствах массовой информации.

В настоящее время тексты Интернет-коммуникации часто попадают в поле зрения исследователей. Для лингвистов эта сфера интересна тем, что Интернет-среда, активная и быстро развивающаяся, способствует не только бесконтрольному и анонимному распространению информации, но и порождает новые виды и формы речевого общения. Появились такие жанры как социальные сети, чат, форум, блог и многие другие.

С 2014 года, а именно тогда вступил в силу Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 года «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“ и

отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», Интернет-коммуникации были лишены прежней бесконтрольности. Так называемый «Закон о блогерах» приравнял авторов интернет-ресурсов с посещаемостью свыше 3 000 пользователей в сутки к средствам массовой информации, обязал их регистрироваться в Роскомнадзоре с наложением соответствующих ограничений на содержание этих ресурсов. Под блогом законом подразумевается любой сайт или страница в Интернете, а его владелец обязан и сам соблюдать законодательство РФ, и следить за возможными нарушениями посетителей ресурса, в том числе их публичными комментариями («Российская газета», № 6373, 7 мая 2014 года).

2.2. Коммуникативные стратегии и тактики, «организующие» речевые акты оскорбления и угрозы

Изучение стратегий и тактик в коммуникациях – одно из насущных направлений современной лингвистики, исследуемых в работах многих зарубежных и отечественных ученых.

Термин «коммуникативные стратегии», как отмечает О.С. Иссерс, стал активно употребляться с середины 80-х годов XX века, что отражает усиление *прагматического подхода* в языкознании [41, с. 52]. При этом интерес к прагматическому подходу был спровоцирован формированием социального заказа на понимание закономерностей общения, а также потребность в информации, учитывающей феномен жизни человека со всеми его психическими, социальными и этнокультурными характеристиками. Это, в свою очередь, привело к появлению активных взаимосвязей гуманитарных дисциплин и возникновению исследований, обращенных к общим и частным

проблемам философии коммуникации и различных теорий, объясняющих процессы речевого общения. К числу таких теорий можно отнести исследования коммуникативных стратегий [41, с. 14].

Ученые по-разному трактуют это понятие. В частности, О.С. Иссерс говорит о том, что термин заимствован из области военного дела, где стратегия – это искусство ведения крупных операций и войны в целом. В свою очередь в политологии под стратегией понимается искусство руководства общественно-политической борьбой. Таким образом, в основе лексического значения слова «стратегия» лежит идея *планирования* действий, связанных с *социальной конфронтацией*, противоборством [41, с. 55].

Другой ученый, М.Л. Макаров акцентирует внимание на том, что ряд лингвистов, говоря о стратегии, подразумевают цепочку решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств [61, с. 193].

Схожую интерпретацию можно обнаружить в исследовании Т.Е. Янко, которая рассматривает различные стратегии построения предложения. При этом под коммуникативной стратегией Т.Е. Янко подразумевает выбор коммуникативных намерений, распределение квантов информации по коммуникативным составляющим и выбор порядка следования коммуникативных составляющих в предложении. Так, например, наиболее простую стратегию, по мнению Т.Е. Янко, демонстрирует коммуникативная структура типа «тема-рема», освоенная в теории актуального членения предложения [96, с. 38-39]. Понятие «коммуникативные тактики» в данной работе не используется.

Для изучения коммуникативных стратегий и тактик, и разграничения данных терминов важен тезис о *вариативности речевого поведения*. В данной связи О.С. Иссерс отмечает, что «решение коммуникативной задачи допускает несколько способов. Участники диалога корректируют свои

действия в зависимости от ситуации, оставаясь в рамках единой сверхзадачи» [41, с. 52]. Д.М. Леви говорит о стратегии как познавательном процессе, в котором сообщающий соотносит свою коммуникативную цель с конкретным языковым выражением [61, с. 193]. В зависимости от поставленной цели каждый участник общения совершает выбор определенных языковых (вербальных и невербальных) средств, отвечающих его личностным (ценностным, когнитивным и поведенческим) характеристикам. Цель взаимодействия и различные способы ее решения соотносятся с понятиями коммуникативной стратегии и тактики.

Таким образом, под *коммуникативной стратегией* О.С. Иссерс понимает совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Коммуникативная тактика трактуется как конкретные речевые действия, способствующие реализации стратегии.

О.С. Иссерс выделяет следующие *предпосылки для изучения и функционирования коммуникативных стратегий и тактик*:

«1) коммуникативные предпосылки –

- вариативность речевого поведения (решение коммуникативной задачи допускает несколько способов);

- несоблюдение говорящими Принципа Кооперации Грайса (люди стремятся воздействовать на собеседника, навязать ему свое мнение, увернуться от ответа, скрыть нежелательные для них факты и т.д.);

2) когнитивные предпосылки - различия в картинах мира коммуникантов (любое высказывание есть воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком, поэтому стратегии с когнитивной точки зрения могут быть описаны как совокупность процедур над моделями мира участников ситуации общения; например, формирование и преобразование базовых когнитивных категорий);

3) лингвистические предпосылки –

- языковое варьирование (одно и то же содержание сообщения может передаваться различными лексическими, грамматическими и другими способами);

4) социологические и психологические предпосылки –

- социальные конвенции и психологические особенности личности (мотивировка выбора той или иной стратегии объясняется существующими в обществе нормами и психологическими характеристиками говорящего);

5) риторические предпосылки –

- проблема эффективности коммуникации (существуют специальные приемы привлечения либо отвлечения внимания, фокусирования и т.д., целью которых является оптимизация речевого воздействия);

6) эстетические предпосылки –

- эстетическое удовольствие говорить косвенно («говорить прямо человеку с высокой языковой компетенцией попросту скучно»)» [41, с. 53-55].

Какие же стратегии и тактики использует говорящий для того, чтобы воздействовать на своего оппонента, прибегая к речевым актам оскорбления и угрозы?

Многочисленные определения понятия «оскорбление» в толковых словарях включают в себя следующую общую сему: плохое, уничижительное отношение, неуважительное слово или действие, ранящее чью-либо честь или достоинство. Оскорбления как речевой акт – это проявление агрессивного типа поведения, которое представляет собой выражение крайне негативного отношения говорящего к слушающему путем *приписывания ему уничижительных признаков* и нанесение ему тем самым эмоционального ущерба.

Применение прямых и косвенных речевых актов оскорбления зависит от социально-психологического контекста. В первом случае – это

осознанный отказ говорящего от соблюдения общественно приемлемых форм поведения, и, значит, от необходимости замены невежливых целей на вежливые, хотя бы по форме. Такое нарушение норм поведения, как правило, вызвано наличием у говорящего определенного вида «права» на нарушение этих норм, например, более высокого социального статуса. Отсутствие этого права приводит к использованию косвенных форм, употребление которых зачастую вызвано желанием говорящего избежать открытого конфликта и «конформировать» с нормами общественного поведения. Опираясь на публицистику, О. С. Иссерс выделяет *продуктивные коммуникативные ходы нанесения оскорбления: прямое оскорбление, косвенное оскорбление, развенчание притязаний и навешивание ярлыков* [42, с. 164].

Наличие той или иной цели, мотива у говорящего приводит к осознанному или бессознательному выбору той или иной коммуникативной стратегии. Стратегии соединены с общей задачей конечной идеи общения, тактики состоят из конкретных речевых ходов, соответствующих общей стратегии. В конечном счете любая речевая стратегия направлена на изменение восприятия мира партнера. *Речевые стратегии*, наряду с совершенно мирными намерениями, такими как понравиться, передать партнеру знания, создать хорошее настроение или предостеречь от опрометчивого поступка, *могут иметь* и иные, в том числе *манипулятивные цели*. Включая угрозы и устрашение партнера, лишение его воли и способности сопротивляться, выведение из состояния психологического равновесия или подстрекательство к чему-либо, в том числе незаконному.

Н.И. Формановская считает, что смысловые намерения, реальность или нереальность высказываний, а также закладываемая эмоциональность образуют то основное содержание, ради которого строится диалоговое взаимодействие. И все это опирается на социальные статусы, роли и психологическое состояние коммуникантов [84].

Вышеупомянутые речевые стратегии и тактики свойственны и конфликтному общению, которое находится под пристальным вниманием ученых, в особенности потому, что такое общение из бытового перетекло в публичное и активно используется масс-медиа для подогрева интереса аудитории к результатам своей профессиональной деятельности. Причем ситуации бытового конфликта выносятся в медиа-плоскость наряду с агрессивным политическим дискуссом. При этом публичность речевого акта оскорбления лишь усугубляет ситуацию и чаще всего переводит общение в юридическую плоскость.

К.Ф. Седов в своей статье «Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии», исследуя психолингвистическую природу таких явлений межличностной коммуникации, как коммуникативный конфликт, речевой жанр, стратегии и тактики внутрижанровой интеракции, выделил следующие «типовые стратегии речевого поведения в конфликтном общении:

1. Инвективная стратегия конфликтного поведения демонстрирует пониженную знаковость: коммуникативные проявления здесь выступают отражением эмоционально-биологических реакций и выливаются в аффективную разрядку в форме брани, ругани (инвективы).

2. Куртуазная стратегия, наоборот, отличается повышенной семиотичностью речевого поведения, обусловленного тяготением говорящего к этикетным формам социального взаимодействия. В качестве крайней формы аффекта в этом случае предпочтение отдается плачу.

3. Рационально-эвристическая стратегия речевого поведения в ситуации конфликта опирается на рассудочность, здравомыслие. Этот тип разрядки тяготеет к смеху, как аффективной реакции. Негативные эмоции в этом случае выражаются косвенным, непрямым образом» [72].

Инвективная стратегия как «способ вербальной агрессии», как пишет

В.И. Жельвис, («Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия»), находит проявление в использовании бранной лексики, оскорблений слушающего. Цель – приведение объекта речевого воздействия в нужное для целей агрессора психологическое состояние посредством прямых оскорблений, обидных прозвищ и незавуалированного порицания, а также скрытых форм [36].

Говорящий исходит из того, что *выставление кого-либо в смешном виде не требует доказательств* (в отличие от обвинения), и вопрос о справедливости, правомерности отрицательных оценок как бы не предполагается.

Считается, что только безосновательные, лишённые справедливого зерна обвинения, способны максимально задеть оскорбляемого, унижить и уязвить его. Поэтому в данной стратегии говорящему нельзя приводить аргументы, отвечающие действительному положению дел, по крайней мере, не преувеличенные. Таким образом, *когнитивной предпосылкой оскорбления является намеренная трансформация модели мира* [42].

Тактика, являющаяся частью коммуникативной стратегии, как отдельный речевой шаг привлекала ученых своей неопределенностью и неоднозначностью. Н.И. Формановская определяет речевую тактику как выбор речевого акта на определенном этапе общения [84, с.60].

Тактика оскорбления характеризуется установкой на конфронтацию с оскорбляемым лицом. Ее отличительная черта – *явная эмоциональная окраска, заменяющая аргументы и факты* [63]. Данный речевой ход предполагает *негативную характеристику личности либо отрицательную оценку, выявляемую через намек*. В оскорбительных высказываниях такого типа намеренно занижаются умственные, нравственные, физические, а также профессиональные качества слушающего. Семантическая структура в данном случае выглядит так: «А есть Х», где А – объект оскорбления, Х – его

характеристика.

В качестве примера для анализа речевых актов оскорбления и угрозы в аспекте проявления речевых стратегий и тактик говорящего мы выбрали телевизионные предвыборные дебаты от 8 февраля 2012 года (ток-шоу В.Соловьева «Поединок»).

В процессе дебатов с участием М. Прохорова В. Жириновский говорит о сторонниках М. Прохорова нелюбезные вещи. Так, он называет А. Пугачеву «певичкой», стремясь тем самым сыграть на понижение оппонента: «Что вы пришли сюда с сестрой, с певичкой и с актером? Это ваша партия? [38].

В случае косвенного оскорбления говорящий создает ассоциации и сравнения, а негативная оценка переносится из одной области в другую: литературные аллюзии, метафоры, развернутые метафорические образы.

Еще один коммуникативный ход в стратегии на оскорбление условно можно назвать «развенчание притязаний». Тактика реализуется через прагматическую интерпретацию высказываний, создающих скрытые семантические компоненты. Для этого хода характерно *использование лексических единиц с положительной коннотацией в несоответствующем контексте (с оскорбительно-уничижительным смыслом)*. Маркером служат кавычки и их функциональные заместители: якобы, так называемый и др.

Одной из успешных тактик является *навешивание ярлыков* путем поиска характерной детали и отрицательной оценки ее с расширением этого признака и перенесением на личность в целом. Эта речевая тактика также осуществляется при помощи приема паронимической аттракции и мены корня: «дерьмократы», «коммуняки» и т.д. [50, с. 106].

Тактика угрозы также, как и оскорбление, является частью стратегии на понижение / инвективной стратегии и заключается в *запугивании* оппонента, *предрекании* ему наказания в будущем. В ходе предвыборных

дебатов с лидером ЛДПР Михаил Прохоров сулит ему тюремное заключение, если Владимиром Жириновский не вернется к честной жизни: «Я хочу вас спросить, когда ваша партия начнет жить прозрачно, когда она покажет все доходы, на которые живет, и когда вы задекларируете все ваши доходы? Когда вы будете честным гражданином? Потому что, если вы этого не сделаете, при президенте Прохорове вы без депутатского мандата и месяца не будете на свободе» [68]. Достижение образности в речи М. Прохорова образность осуществляется с помощью построения параллельных синтаксических конструкций, усиливающих воздействие на аудиторию. Владимир Жириновский парировал, используя метафору в тактике угрозы, описывающей печальные перспективы Михаила Прохорова: «Я вам обещаю хорошее содержание в Лефортово. Каша, щи, кисель, рыбы хвосты».

Это далеко не полный перечень возможных тактик, однако они довольно часто используются в масс-медиа. Вообще оскорбление по праву можно назвать творческим процессом, а значит, и выбор тактик ограничен лишь фантазией говорящего и возможностями языка.

Таким образом, мы отмечаем, что для тактик, реализующих стратегию на понижение, характерно имплицитированное и эксплицитированное негативное отношение к ситуации и к оппоненту. Как видно из приведенных выше примеров, все тактические ходы говорящего отличаются стремлением дискредитировать оппонента, для чего в ход идут риторические вопросы, параллельные синтаксические конструкции, а на стилистическом уровне наиболее часто применяется метафора.

С развитием свободы слова развилось и ощущение вседозволенности, а *коммуникативные стратегии* в медиапространстве зачастую перестали выбираться интуитивно и *перешли в формат совершенно осознанно используемых инструментов речевого воздействия*.

Одним из примеров того, как речевое воздействие ведет к реальным

агрессивным действиям, можно считать недавний инцидент, произошедший в программе «Место встречи» на НТВ от 26.04.2017: «Массовая драка случилась сегодня в студии программы «Место встречи». Главный редактор издания PolitRussia Руслан Осташко был вынужден доступными методами объяснить польскому журналисту Томашу Мацейчуку, что тот неправ. Стычка произошла после оскорбительной фразы поляка в адрес Осташко: «Если с вашей скамейки кто-то еще раз скажет, что мои предки были фашистами и воевали за фашизм, извините, я подойду и морду набью и мне наплевать, в суды ли вы потом будете подавать». На что Томаш Мацейчук, перебивая Осташко ответил: «Я скажу! Ваши деды — красные фашисты» [67].

Услышав это, Осташко «подбежал к польскому коллеге и нанес ему неплохой правый боковой. Оппонент (он в красном галстуке) пытался ответить правым прямым, но быстро был повержен. К спаррингу подключилась и украинская журналистка Елена Бойко», – так произошедшее трактуется на самом сайте телепрограммы и очевидно лишь подогревает негативное отношение к польскому журналисту, выставляя редактора российского издания патриотом своей страны.

Речевая стратегия Томаша Мацейчука – провокационна, он намеренно произносит слова, которые «ранят» оппонента, провоцируют его на драку. Речевая стратегия Осташко направлена на то, чтобы остановить оскорбительные выпады Мацейчука в сторону символических сакральных значений некоторых слов («красная армия», «фашизм») путем смешения несовместимых понятий. Однако Осташко использует речевой акт угрозы, неисполнение которой может дискредитировать его. Это рискованный коммуникативный ход, которым и воспользовался его оппонент.

Можно ли считать, что Осташко ответил кулаком на оскорбление в свой адрес? Оскорбление в правовых документах квалифицируется как

унижение чести и достоинства человека, выраженное в неприличной форме (КоАП РФ, Статья 5.61. Оскорбление). Неприличная форма фиксируется в первую очередь в стилистической характеристике слов. Как неприличные квалифицируются слова, имеющие стилистические пометы бранное, грубое, нецензурное, неприличное. В толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова и толковом словаре Т.В. Ефремовой в четвертом значении слова «фашист» указано: а) перен. разг.-сниж. Крайне злобный, агрессивный человек. б) Употр. как бранное слово [32].

В соответствии с предложенными К.И. Бриневым направлениями конфликтного речевого взаимодействия, это высказывание выполняет инвективную функцию и реализуется через выпад, имеющий целью нанесение психологического ущерба адресату:

1. Томаш Мацейчук знает, что фраза «Ваши деды – красные фашисты» способна причинить Осташко психологический ущерб.
2. Мацейчук хочет, чтобы Осташко слышал, как он произносит эту фразу.
3. Говорит это намеренно, чтобы причинить Осташко психологический ущерб, понимая, что эта фраза для Осташко оскорбительна.

В комментарии к статье 280 УК РФ особое внимание уделено возбуждению расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижению национального достоинства, совершенному с использованием СМИ либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», (в ред. Федерального закона от 28.06.2014 № 179-ФЗ) [53]. Возможно герои программы увлеклись игрой в свободу слова, а редакторы программы ее рейтингами, однако нельзя отрицать того, что конфликтогены, выпущенные в прямой эфир, да еще и с явным национальным подтекстом, не остались не замечены зрителями. Подобные речевые действия в эфире

крупной телекомпании сами по себе оставляют неприятный осадок и в конечном итоге способны привести к разжиганию национальной розни и вражды. Возможно ли реагировать иначе на провокационные выпады иностранных журналистов и политиков, дискредитирующих вклад России в победу над фашистами? Известен факт (интервью американского режиссера Оливера Стоуна), что Хилари Клинтон сравнила В.Путина с фашистом, намекая на то, что он защищает интересы одной нации. Она сравнила действия кремля в отношении Украины с тем, «что делал Гитлер в тридцатые годы». В.Путин отметил, что крайнее высказывание не самый лучший аргумент, слабый аргумент. Как политик, он сумел сформулировать свое возражение в приличной форме: «Она энергичная женщина. У нас тоже могли бы быть всякие сравнения, но мы в силу политической культуры, воздерживаемся от крайних высказываний»¹.

Владение речевой культурой – важное качество коммуникативно развитого человека. Прямые оскорбления и угрозы как способы воздействия на оппонента в споре свидетельствуют об откровенной манипуляции сознанием слушающего, приводят к разжиганию конфликта.

2.3. Методы и приемы анализа речевых актов оскорбления в предвыборном ток-шоу В. Соловьева «Поединок»

Рассмотрим еще один эпизод телевизионной авторской программы В. Соловьева «Поединок» от 28 февраля 2012 года, в котором в качестве коммуникантов, продуцирующих оскорбительные речи, выступают А. Пугачева и В. Жириновский. Этот эпизод для анализа выбран не случайно. Сам В. Соловьев в своем твиттере написал, что эти дебаты станут классикой. Действительно, этот эпизод интересен с точки зрения изучения методов и

¹ https://www.gazeta.ru/politics/2017/06/14_a_10720631.shtml#page1

приемов речевых актов оскорбления, которые В. Жириновский искусно использует для того, чтобы продемонстрировать свое превосходство над собеседником, спровоцировать его на негативные реакции и на ответные оскорбительные высказывания. Провоцирует развертывание речевых актов оскорбления и сама А. Пугачева. Однако в комментариях пользователи Интернета отмечают коммуникативную неудачу А. Пугачевой: «Жириновский просто заплевал Пугачеву».

Рассмотрим следующую интеракцию:

1) участники конфликтной ситуации: «инвектор» (обидчик, оскорбитель) – В. Жириновский и «инвектум» (обиженный, оскорбленный) – А. Пугачева.

Другие характеристики данного коммуникативного события таковы:

а) Участниками словесной баталии являются двое – Жириновский и Пугачева. Есть и посредник – ведущий программы «Поединок» В. Соловьев. Его обязанность – направлять дебаты в нужное конструктивное русло. Отметим и наличие свидетелей конфликта. Эта группа лиц, присутствующих в студии в качестве реальной публики и виртуальные зрители – массовая телевизионная аудитория.

б) социальный статус конфликтеров, с одной стороны, близкий – оба являются известными лицами государства, они близки по возрасту, а различает их гендер и профессиональная сфера: она – известная эстрадная певица, он – политический деятель.

2) форма передачи сообщения – устная (дебаты, спор, диалоги).

3) Какова же причина возникновения речевого конфликта? Что стало фоновой информацией, предметом и причиной разногласий?

Коммуникация начинается с вопроса Пугачевой, адресованного Жириновскому, но рассчитанного на студийную аудиторию и телезрителей. Пугачева изначально выбирает для себя стратегию убеждения публики в некомпетентности Жириновского как президента. Для этого она использует

тактику привлечения внимания аудитории к личности, поведению кандидата, задав вопрос о причинах его «разнузданного поведения» и о дальнейших намерениях, связанных с изменением такой линии поведения. Жириновский, в свою очередь, придерживается стратегии (всеми возможными средствами) убеждения аудитории и телезрителей в том, что он в сравнении с другими бывшими президентами – самый достойный кандидат на роль руководителя государства. Для этого он использует различные тактики: развенчивает образ оппонента (Пугачеву), других первых лиц государства, провоцируя у Пугачевой обиду речевым актом оскорбления (переходит на личности). Ведущий при помощи комплимента пытается реабилитировать певицу, демонстрируя свою стратегию невмешательства, нейтралитета, регулировщика этической стороны диалога. Завершая свое выступление словами: «Я хочу, чтобы было хорошо бедному русскому народу, а на вас мне наплевать!», Жириновский достигает победы в данной коммуникативной ситуации, противопоставляя себя шоу-бизнесменам и подчеркивая свои альтруистические цели по отношению к народу.

4) Характер конфликтного взаимодействия таков. Лидер ЛДПР Владимир Жириновский поругался с Аллой Пугачевой, выступавшей на стороне Прохорова. Конфликт начался, когда примадонна попыталась прервать Жириновского, ставшего отвечать на ее вопросы, которые по сути являлись не столько вокативами, сколько декларативами: «Когда Вы врете, - зачем? Это пробел в воспитании? У Вас что-то с неврозом? Когда, не дай Бог, вы станете президентом, Вы измените линию поведения?». Жириновский парирует следующим образом: «Я веду себя так, как считаю нужным. Сам. Молчите!»

5) Каковы же языковые коды, способствующие развитию конфликтной ситуации в речевой конфликт?

Нарушение этикетных норм Жириновским: «Убирайтесь вон! Сейчас

охрана выведет!», «Я пять раз не женился! Пять раз меняла мужей! У нее закон один - менять мужей каждые пять минут!».

Использование им оскорбительной лексики: «Вы, артисты, как последние *проститутки* ложитесь под любого руководителя за деньги! Вы все легли под Брежнева, под Горбачева, под Ельцина, под Путина. Завтра въеду в Кремль, вы все будете лежать, а я буду на вас плевать и вытирать ноги. Позор вам, Позор!».

Опишем речевые акты оскорбления на основе этикетных норм.

1) Переход на личность при публичной беседе (споре):

- e) Знаю, что ты «пять раз меняла мужей».
- f) Знаю, что «пять раз менять мужей» считается негативно ценным.
- g) Говорю тебе, что ты сделал это или занимаешься этим.
- h) Говорю тебе это для того, чтобы ты знал, что твой статус ниже моего («я пять раз не женился»)

Произнесенные публично, эти речевые акты носят характер оскорбления (путем понижения статуса)).

2) Использование слова «певичка» по отношению к «примадонне» Пугачевой:

- a) Знаю, что ты всего лишь «певичка».
- b) Знаю, что быть всего лишь «певичкой» считается негативно ценным (в толковом словаре С.А. Кузнецова дано такое толкование с пометой «пренебрежительное»: «Певица, исполнительница легкомысленных, пошлых песенок, куплетов»).
- c) Говорю тебе, что ты «певичка».
- d) Говорю тебе это для того, чтобы ты знал, что твой статус ниже моего («я, возможно, будущий президент»)

Необходимо признать, что в данном случае интенция оскорбить, обидеть была, но в правовом поле вряд ли возможна моральная компенсация,

тем более, что в ответ были сделаны Пугачевой еще более резкие выпады оскорбительного характера.

Опишем речевые акты оскорбления на основе оскорбительной лексики.

- 1) Жириновский, указывая на Пугачеву, провозглашает: «Вы проститутки!»:
- d) Знаю, что слово «проститутка» способно причинить тебе психологический ущерб.
- e) Хочу, чтобы ты знала, что я говорю «проститутка».
- f) Говорю «проститутка», чтобы причинить тебе психологический ущерб, где «проститутка» – оскорбительное слово (Большой толковый словарь Т. Чернышова гласит: «Проститутка - 1) продажная женщина, которая обычно вступает в половые связи за деньги. 2) продажная тварь вообще. Синонимы: блядь, сучка, тварь, педерастка, прости-господи, стерва»).

Этот речевой акт можно было бы признать оскорблением, обращая внимание на невербалику Жириновского. Однако формальное построение фразы касается целой группы людей – артистов вообще. Искушенный политик, Жириновский пытается при помощи косвенного речевого акта уйти от ответственности за оскорбление.

Какие же ответные оскорбления высказала Жириновскому Пугачева?

Вот ее реплика: «думала, что вы политик, хитрый человек, а вы просто клоун и псих!».

Обратимся к соответствующей модели анализа речевого акта оскорбления:

- a) Знаю, что ты всего лишь «псих».
- b) Знаю, что быть всего лишь «психом» считается негативно ценным (в толковом словаре С.А. Кузнецова дано такое толкование с пометой «просторечное, разговорное»:

«Психически неуравновешенный или психически больной человек»).

с) Говорю тебе, что ты «псих», а не политик.

д) Говорю тебе это для того, чтобы ты знал, что твой статус ниже моего и других хитрый людей, политиков («я, не псих»).

Оскорбила ли при помощи такого речевого акта Пугачева Жириновского? Нет! Потому что он не воспринял это как оскорбление, парировав: «Отвечаю, я такой, какой я есть, в этом моя прелесть».

Результат речевого воздействия – прелокутивный эффект не достигнут.

Конечно, проблемы методов и приемов анализа речевого акта оскорбления полностью не решаются наличием вышеперечисленных моделей. Так, например, К.И. Бринев считает, что другая установка связана с тем, что «говорящему необходимы те действия, которые вызываются классическим речевым актом оскорбления». То есть, в нашем случае, и Жириновскому, и Пугачевой, и ведущему ток-шоу выгодна возникшая словесная перепалка. «Оскорбление в данном случае, – считает К.И. Бринев, – является составной частью манипулятивного речевого акта с измененным параметром условий искренности».

Если рассмотреть эти коммуникативные события в аспекте речевых тактик и стратегий, то можно утверждать, что приписывание «уничижительных признаков» коммуникативному противнику было не случайным и со стороны В. Жириновского, и со стороны А. Пугачевой.

Каждый из них использует «продуктивные коммуникативные ходы нанесения оскорбления»: прямое и косвенное оскорбление, развенчание притязаний, навешивание ярлыков. Конечно, такие речевые стратегии и тактики имеют «манипулятивные цели». Например, выведение из психологического равновесия. По сути, каждый участник телевизионных дебатов (это же, прежде всего, шоу) исходит из того, что выставление кого-

либо в смешном виде не требует доказательств. Эмоциональная окраска зачастую заменяет аргументы и факты. Многие речевые ходы коммуникантов теледебатов предполагают использование негативной характеристики личности, ее отрицательной оценки, через намек.

2.4. Изучение студентами-филологами текста / дискурса в аспекте речевой конфликтности с целью выявления речевых актов оскорбления

Неотъемлемая часть высшего филологического образования - освоение моделей анализа художественного произведения. Наука предлагает нам разные подходы: лингвостилистический, филологический, комплексный, интегративный. Модели анализа художественного произведения строятся на вычленении разных доминантных уровней в их системности. В литературоведении стало аксиомой научное положение о том, что в смыслы художественного текста можно проникнуть через любой из этих уровней, поскольку часть художественного целого несет в себе сущностную составляющую всего произведения. Профессионально подготовленный филолог, по мнению Н.А. Николиной, видит цель анализа в том, чтобы «установить связь между содержанием и системой языковых единиц, которые его выражают и служат формой художественных образов»; текст рассматривается им «как собственно лингвистическое явление, представляющее собой частную динамическую систему языковых средств разных уровней, и как эстетический объект, обладающий собственной семантикой и представляющий особую целостную картину мира» [65, с. 242].

Отбор типов анализа определяется спецификой произведения, целью анализа, выбором средств интерпретации художественного кода и т.п.

Различные практики анализа важны для формирования дискурсивного мышления будущего филолога. В настоящее время это особенно актуально в

связи с модернизацией образования. С одной стороны, новые ФГОСы требуют последовательного формирования коммуникативной компетенции у студентов, а с другой стороны, увеличивается доля самостоятельной работы учащихся, унифицируются филологические дисциплины.

Конечно, информационное развитие общества, появление поисковых систем в интернете облегчают нахождение старых и новых текстов, но «мозаичность» высказываний дает весьма абстрактную общую «картинку». речевые стратегии и тактики разных сайтов и блогов направлены иной раз на заведомо предвзятую интерпретацию художественных текстов. Разобраться в этом «бесчисленном лабиринте сцеплений» (Л.Н. Толстой) сложно. Студенты, владеющие методикой филологического анализа художественного текста, способны «раскодировать» язык изучаемого текста как эстетического феномена. Но этого оказывается недостаточно, если мы выходим на просторы современного медиапространства, поскольку часто текст «выбрасывается» на пересечение дискурсов, требующих особого осмысления.

Большое внимание филологи уделяли и уделяют такому свойству художественного текста, как его «диалогичность» (М.М. Бахтин). Однако в современном медиапространстве акцент перемещается на «конфликтность» текста.

Как пишет Н.Д. Голев в статье «Речевой конфликт в аспекте множественности интерпретации речевых произведений», «речевая конфликтность заложена в самой природе языка как системно-структурного образования и природе речевого общения» [13]. Главный источник конфликта, как пишет Н.Д. Голев, – возможность разной интерпретации коммуникативного намерения. Системно-языковые конфликты проявляются на разных уровнях языка: фонетическом, лингвистическом; конфликт прагматических смыслов может возникнуть в пределах синтаксически

заданных границ.

Важно помнить, что адресант и адресат являются активными субъектами дискурса, и ответственность за результат коммуникации несут оба. Т.В. Чернышова пишет, что публицистическая сфера языка имеет ряд характерных особенностей, это «вид литературы, посвященный актуальным общественно-политическим вопросам и текущей жизни общества», в такое общение в средствах массовой информации вовлекается неограниченное число участников [85]. Коммуникативная функция многих из таких текстов завуалирована, часто встречаются двусмысленные тексты, косвенно выражающие инвективный смысл.

Познать конфликтную сущность дискурсивной медиапрактики студентам-филологам помогают дисциплины, связанные с практической филологией.

Это «Лингвокриминалистика», фиксирующая внимание на методике лингвистической экспертизы, это «Психолингвистические основы рекламного текста», «Филологический анализ текста», позволяющие проанализировать рекламный текст с целью выявления способов усиления его воздействующей функции. Это курс «Основы речевой коммуникации», в котором особое внимание уделяется понятию адресованности текста. На своих занятиях профессор Л.А.Сомова обращает внимание студентов на главы книги Н.И. Формановской «Речевое воздействие: коммуникация и прагматика» [84], посвященные фактору адресата. Одна из практических работ, предлагаемых ею, называлась «Адресат в творчестве А.С. Пушкина» и включала следующие вопросы и задания: 1) сделайте краткое научное сообщение на тему «Адресант и адресат. Проблемы адресации»; 2) ответьте на вопросы: каковы языковые формы адресации, чем характеризуются ТЫ- и ВЫ- формы общения; каково место личных местоимений в коммуникации; 3) проанализируйте средства адресованности в творчестве А.С. Пушкина (на

примере конкретных произведений).

На занятиях Л.А.Сомовой была предложена работа, связанная с использованием коммуникативного потенциала стихотворной речи в медиапространстве. Она носила название «Медиапроект «Гражданин поэт»: проблемы адресации». Материалом к занятию послужили стихотворение Д. Быкова под условным названием «Города-сада не будет» и прецедентный текст – стихотворение В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка». Вопросы и задания звучали следующим образом:

- Дайте понятие речевого акта как основной адресованной единицы общения.

- Покажите, как в медиапроекте «Гражданин поэт», основу которого составляют стихотворения Д.Быкова, преодолевается автокоммуникативность лирического текста, и поэзия становится средством массового воздействия.

- Изучите статью Ю.В. Левина «Лирика с коммуникативной точки зрения» [60].

- Прочитайте стихотворение В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка» и проанализируйте его с точки зрения адресации и коммуникативного статуса.

- Прочитайте стихотворение Д. Быкова «Города-сада не будет» и проанализируйте его с точки зрения адресации и коммуникативного статуса.

- Посмотрите видеосюжет из медиапроекта «Гражданин-поэт»:

(http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=f6zxSQny4Bg.) Опираясь на понятия «адресат текста», «интертекст» и «гипертекст», проясните авторскую позицию.

Вот некоторые выдержки из текста Д.Быкова, включающие конфликтогены:

На землю капли падали.

Сквозь дождь белел с трудом,
Щетинясь баррикадами,
Московский белый дом.
Сейчас, конечно, совестно,
Но двадцать лет назад
Мы думали, что вскорости
Здесь будет город-сад.

<...>

Потом *герои запыли,*
Простились со стыдом,
Потом разбили залпами
Тот самый Белый дом,
По дури ли, по злобе ли
Взъярились дети гор —
Мы *стольких там угробили,*
Что страшно до сих пор...²

<...>

Нам важно было выявить взаимоотношения «действующих лиц» («персонажей»), связанных с этим текстом» [60]. Частое использование первого лица, обобщенного «мы» — позволяет сопоставить отдельные лирические тексты с научными и философскими; частое использование второго лица роднит лирику с лирику с бытовой или ораторской речью, письмом, молитвой, заговором; возможны обращения к заведомо «некоммуникабельным» объектам, фабульно-немотивированное введение периферийных персонажей, немотивированных речевых коммуникативных элементов (восклицаний, вопросов и т. д.) то есть фиктивная коммуникативность; эготивный и апеллятивный типы текста — все выдает

² Цитируется по: http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=f6zxSQny4Bg.

авторскую интенцию лирического текста, помогает определить его повышенную коммуникативность.

Вот, как звучит обобщенное «мы» в стихотворении Д. Быкова «Города-сада не будет»: «мы думали», «нам выдана свобода», «мы уже круты», «но мы не та порода, чтоб нас пугал распад», «мы столько там угробили», «мы были дураками». Личное местоимение «я» проявляется следующим образом (во второй части стихотворения): «я многое усвоил», «я вызубрил, как надо». Это не научная речь, и не философское размышление, здесь другое основание для выбора этих средств. Мы видим, что поэт говорит и от имени народа, и от имени лирического героя. Это вполне в стиле В. Маяковского, который писал: «За всех расплачусь и за всех расплачусь». Д. Быков пишет: «гляжу на подполковника и вижу: это мы», соединяя личную ответственность за происходящее с ответственностью власти. Читатель в лирическом тексте (в позиции «сотворчества») существует «внутри» и этого «мы», и этого «я». Это усиливает коммуникативный статус текста, его воздействующую функцию.

Обратимся еще к одному фрагменту текста Д.Быкова, обозначив некоторые конфликтогены:

Потом у олигархии
Случился передел,
Ведущие загавкали,
Борис недоглядел.
Смотрители клоповника
Отправили в полет
Тихоню-подполковника
Из питерских болот,
И вот толпа народа
Лобзает новый зад:

Через четыре года
Здесь будет город-сад!

<...>

Фронтов незримых воин,
Наряженный в царя!
Я многое усвоил
Тебе благодаря.

<...>

Прогнозы тут просты:
Через четыре года
*Здесь будешь только ты.*³

Местоимения второго лица тоже встречаются в тексте Д. Быкова: «тебе благодаря», «через четыре года здесь будешь только ты». С одной стороны, это является снижением речи до уровня «бытовой» при разговоре на «ты» с представителем высшей власти, а с другой стороны, это свидетельствует об адресованности текста простым гражданам. Специальный ораторский прием - обращение к правителю - в данном контексте тоже рассчитан на слушателей, мол, к «самому главному человеку» обращаюсь! Есть в тексте Д. Быкова и обращения к заведомо некоммуникабельным объектам («прощайте баррикады, прощай, железный хлам!»), и фабульно-немотивированное введение периферийных персонажей («взъярились дети гор», «ведущие загавкали»), и содержательно немотивированные, на первый взгляд, восклицания («через четыре года здесь будет город-сад!»). Все это свидетельствует о намеренном усилении коммуникативного статуса стихотворения автором: такую лирику можно назвать политически ангажированной.

Первоначально «Гражданин-поэт» существовал как телевизионный

³ Цитируется по: http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=f6zxSQny4Bg.

проект телеканала «Дождь». Впоследствии он был свернут на телевидении и «переброшен» на радио «Эхо Москвы» и в интернет. Почему? Студентам магистратуры «Лингвокриминалистика» преподавателем Л.А.Сомовой было предложено найти причину этого путем выявления «конфликтотенов» в стилизациях Д. Быкова, установления языковых механизмов дискредитации лиц, которым посвящены данные тексты. Чтобы проанализировать подобные стороны текста стихотворения Д. Быкова «Города-сада не будет», студентам нужны фоновые знания из области лингвоконфликтологии.

Т.В. Чернышова заметила, что стратегия дискредитации иногда маскируется под личное мнение автора текста. Эту стратегию, по ее мнению, можно распознать по изобилию негативной авторской оценочности в ущерб фактологической информации. В таких текстах факты сами по себе не являются дискредитирующими, но становятся такими благодаря «эмоционально-риторическим структурам, ориентированным на создание негативно-оценочной тональности текста»; этим фактам дается «субъективно-оценочный комментарий», снижая статус личности, о коей говорится в тексте [87]. Именно в этом аспекте студенты исследовали текст Д. Быкова.

Каков оценочный потенциал заголовочного комплекса? В медиаверсии текст носит название «Двадцать лет – ни хрена нет». Медиапроект называется «Гражданин поэт», в начале чтения стихотворения артистом О. Ефремовым раздается звук наливаемой в стакан водки на фоне бутылки.

Уже на этом уровне видно, что текст переполнен признаками деструктивной оценочности на уровне вербалики (заголовок стихотворения намеренно заострен путем использования слова, заменяющего инвективную лексику; заголовок проекта восходит к конфликту поэта и гражданина, описанного Н.А. Некрасовым в одноименном стихотворении), невербалики (утрированный образ поэта Маяковского в исполнении актера, бутылка водки

и т.п.), паралингвистики (опора на стереотипы сознания, закодированные в прецедентных текстах). Все это показывает, что в данном случае имеет место деструктивная оценочность, которая направлена на создание отрицательных образов персонажей стихотворения (реальных политических деятелей), события уходят на второй план. Для заострения конфликтности Д. Быковым используется снижено-просторечная, жаргонная лексика («совок» – в значении «советская действительность», «бабки» – в значении «деньги», «по дури», «угробили», «клоповник», «зад», «дураками», «пить без просыпа»), подбираются эпитеты, характеризующие личные качества и личную биографию критикуемого лица («тихоня ... из питерских болот», «прыткость любовника», «фронтов незримый воин»).

Студенты рассуждают о том, что такая оценочность в публичных текстах недопустима, поскольку носит псевдосоциальный характер и представляет собой дискредитацию личности. Если обратиться к юридической составляющей, то можно констатировать, что защитить личность позволяют статьи 151, 152 Гражданского кодекса РФ о защите чести, достоинства и деловой репутации.

На разных уровнях текста можно увидеть проявление коммуникативного задания автора стихотворения и чтеца – дискредитацию советского прошлого и тоталитарного (с точки зрения авторов медиапроекта) настоящего, дискредитацию первых лиц государства. Таковы коммуникативные стратегии, тактики, речевые средства оценочности, позволяющие на пересечении всевозможных дискурсов усиливать коммуникативное намерение автора – воздействовать при помощи стилизаций (то есть, привлекая коммуникативный потенциал лучших образцов лирики) на умы и общественное настроение граждан.

От анализа речевых актов студенты переходили к постижению сложно выстроенной модели коммуникации медиа-проекта Д. Быкова и М. Ефремова

«Гражданин - поэт». «Собеседниками» студентов стали поэты В. Маяковский и Д. Быков, вступившие в диалог (интертекстуальные связи), артист-чтец М. Ефремов (оригинально интерпретирующий и смыслы Маяковского, и подтексты Быкова), персонажи обоих стихотворений, прототипы героев (реальный строитель Кузнецка по фамилии Хренов из прошлого и «подполковник» из настоящего). Опираясь на изученное, студенты писали работы, выявляя коммуникативный статус текстов, оценивали успешность созданной модели коммуникации, учились распознавать коммуникативные намерения авторов конфликтных текстов, совершенствовали свою коммуникативную компетентность.

Следует отметить, что любая гуманитарная экспертиза – это лишь система аргументов, а не строгое и окончательное доказательство чьей-либо вины или правоты. Привлекать эксперта нужно лишь в сложных случаях, когда он может вскрыть то, что неочевидно для неспециалиста. Тексты Д. Быкова, направленные, порой, на дискредитацию конкретных общественных и политических деятелей (в том числе и первых лиц государства) являются именно такими сложными случаями. Анализировать их необходимо комплексно. Метод комплексного анализа с включением приемов лингвистической экспертизы, позволяющих выявить речевые акты оскорбления, дискредитации – перспективный, на наш взгляд, путь, позволяющий повысить коммуникативную компетентность студентов, постигающих важность практического, прикладного значения филологии.

К.И. Бринев указывает на то, что стратегия дискредитации не ограничена лишь способом построения текста или высказывания. Дискредитация – это вид интенции, являющейся частью речевого действия, одним из условий его дееспособности. Такую стратегию нельзя в большинстве случаев просто так вычленивать из текста. Именно этим замечанием ученого мы и руководствовались, предваряя лингвистическую

экспертизу речевых актов оскорбления и дискредитации (выявление таковых) комплексным филологическим анализом.

Предъявленные в первой главе модели анализа речевых актов оскорбления и дискредитации при «погружении в жизнь», в вузовскую практику, направленную на развитие коммуникативной компетенции студентов, показали свою жизнеспособность. При помощи методов и приемов анализа речевых актов оскорбления, предложенных учеными Алтайской школы коммуникативной лингвистики (лингвокриминалистики), возможно на объективной основе собрать лингвистические доказательства в защиту оскорбленных и униженных.

2.5. Методика первичного освоения студентами-магистрантами содержания и структуры лингвистической экспертизы текста

Директор Института лингвистики РГГУ Максим Кронгауз утверждает: «Любая гуманитарная экспертиза - это лишь система аргументов, а не строгое и окончательное доказательство чьей-либо вины или правоты. Привлекать эксперта нужно лишь в сложных случаях, когда он может вскрыть то, что неочевидно для неспециалиста. В случае же очевидной интерпретации гуманитарный эксперт не нужен. Скажем, если все воспринимают некую фразу как призыв к насилию, а лингвист докажет, что это не так, фраза не перестанет быть призывом к насилию. И наоборот, если для того чтобы увидеть в некой фразе призыв к насилию, нужен высококвалифицированный специалист, то это уже не призыв к насилию. В наиболее скандальных экспертизах вопросы для эксперта формулируются так, что они сразу подводят человека под статью» [56].

В целом, мы согласны с М. Кронгаузом. Проблема анализа выявления речевых актов оскорбления, угрозы проявляется в общеизвестных фактах. Один из них связан с оскорблением популярным российским певцом

Филиппом Кирковым в Ростове-на-Дону журналистки Ирины Михайловны Ароян. Ирина Ароян после того как у нее не получилось урегулировать конфликт в досудебном порядке (Ф.Б. Кирков не признал своей вины и от досудебного урегулирования конфликта отказался) в конце июня 2004 года обратилась с исковым заявлением в суд. Против Ф.Б. Киркова было возбуждено уголовное дело по статье 130 части 2 УК РФ («Оскорбление»). В судебном деле фигурировало заключение специалиста — заведующего отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, доктора филологических наук, профессора А.Н. Баранова, подготовленное по инициативе адвокатов Киркова. Стоит ли говорить, что оно носило оправдательный для певца характер. В заключении в частности говорилось, что во фразе Ф. Киркова: «Меня раздражают Ваша розовая кофточка, Ваши сиськи и Ваш микрофон» И. Ароян не приписывается никаких отрицательных характеристик, выраженных в неприличной форме, а слово «сиськи» «с точки зрения стилистики относится не к неприличным, а к просторечным словам».

Во фразе «Ф. Кирков: Да мне... да мне по-х..., как Вы напишете... Так же, как и Вы... Я не люблю непрофессионалов! Непрофессионалам тут делать нечего!» И. Ароян приписывается отрицательная характеристика — непрофессионализм, при этом используется слово литературного русского языка, которое не относится к числу неприличных. Идиома по-х..ю (кто-л./что-л., кому-л.), отмечает профессор Баранов, употреблена во фразе: «Да мне по-х..ю, как Вы напишете... Так же, как и Вы...» в значении «говорящий дает понять адресату, что он исключает то, что напишет адресат, из своей личной сферы», то есть Ф. Киркову безразлично, что о нём напишет журналистка, как, прочем, и сама журналистка. При этом данную фразу, по мнению Баранова, нельзя рассматривать как оскорбление, поскольку в ней адресату не приписывается никаких отрицательно оцениваемых

характеристик».

В ответ на фразу И. Ароян: «А вы научитесь себя вести. «Звезда». Ф. Киркоров отвечает, рифмуя: «Да... П..зда!». Баранов пишет в своей экспертизе, что эта фраза многозначна: это может быть и приписывание И. Ароян отрицательной характеристики, и языковая игра. Только говорящий может пояснить то, что он имел в виду.

Несмотря на ходатайство адвокатов Киркорова, суд отказался придать заключению статус официальной лингвистической экспертизы, и оно не повлияло на приговор. Мировой суд Ростова-на-Дону признал Киркорова виновным по части 2 статьи 130 УК РФ (оскорбление в публичном месте) и назначил штраф в размере 60 000 рублей с выплатой в пользу государства. Однако не только профессор А.Н. Баранов своим заключением не соглашается с тем, что Ф. Б. Киркоров оскорбил журналистку. В своей статье «О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе» И.А. Стернин («О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе // «Воронежский адвокат». – № 1(79). – 2010. – С.16-21.) случай Киркорова и журналистки Ароян относит к безадресному употреблению нецензурной лексики. «Если такое употребление нецензурных слов имеет публичный характер, осуществляется в общественном месте - следует административное наказание как за мелкое хулиганство (ст.20.1 ГК РФ)», – таким образом исключает И.А. Стернин возможное привлечение артиста к ответственности за оскорбление.

Другая ситуация, обнажающая существование проблемы анализа выявления речевых актов оскорбления, угрозы случилась относительно недавно. Между рэперами Бастой и Децлом произошел конфликт: Кирилл Толмацкий (сценический псевдоним Децл) пожаловался, что шум из клуба «Газгольдер», одним из резидентов которого является Василий Вакуленко (солист группы Баста), будит его семью и жителей всего района по ночам. В

ответ на претензию Децла Баста написал в своем аккаунте в твиттере «#Децл-лохматое ЧМО». Оскорбленный Децл обвинил Василия Вакуленко в причинении ему морального вреда. За оскорбления в социальных сетях Толмацкий потребовал от Басты 1 миллион рублей. «Распространенные ответчиком сведения порочат мои честь и достоинство, поскольку количество подписчиков в твиттер-аккаунте ответчика составляет 262 тысячи человек. Как и я, Вакуленко Василий Михайлович является публичным лицом», — приводят СМИ фрагмент искового заявления Децла.

Суду были представлены две лингвистические экспертизы, в которых эксперты должны были ответить на три вопроса: обнаруживается ли в реплике негативная информация о Децле; если обнаруживается, то в какой форме представлена; имеет ли она неприличную форму. Лингвистическая экспертиза, которая была подготовлена профессором Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН А.Н. Барановым, подтверждала, что выражение «Децл — лохматое чмо» является «нелицеприятным», но автор исследования при этом отказывался считать это выражение оскорбительным. Как сообщает А.Н. Баранов в выводах на основе проведенной длительной экспертизы (с ее полным текстом можно ознакомиться в Приложении http://gazgolder.com/files/basta_lingvo.pdf), фраза «Децл – лохматое чмо» хоть и несет негативный характер, однако «не может квалифицироваться как неприличная, поскольку спорная реплика представляет собой часть неформальной коммуникации интернета». Суд принял во внимание иную экспертизу и присудил солисту группы Баста штраф в размере 50 тысяч рублей. В отличие от документа, представленного Барановым, вторая экспертиза так и осталась нигде не опубликованной, а значит и о том, на чем основывался другой эксперт в своих выводах, можно только догадываться.

Эксперту необходимо было ответить на следующие вопросы:

1. Обнаруживается ли в реплике в твиттере «Децл – лохматое ЧМО

негативная информация о лице, названном Децл?»

2. Если обнаруживается, то в какой форме она представлена: предположение, мнение, оценочное суждение, утверждение или иная форма представления?
3. Если обнаруживается, то имеет ли она неприличную форму?

С первыми двумя доказательствами, которые привел Баранов в своей экспертизе, на наш взгляд, можно согласиться. А вот ответ на третий вопрос студенты попытались оспорить, поскольку, как показало решение суда можно доказать и наличие неприличной формы, и ее отсутствие. Почему же стало возможным доказать факт оскорбления, угрозы, а также дать экспертизу противоположного плана? Существует определенная схема анализа и если идти по ней, не обращая внимания на какие-то иные стороны вопроса, то можно доказать, как факт наличия оскорбления, угрозы, так и их отсутствие. М. Кронгауз уже проводил аналогичный эксперимент, предоставив по два варианта лингвистических экспертиз на три сказки. Аналогичный подход был использован и в работе со студентами. Они, безусловно, не были предварительно ознакомлены с вариантами «иронических экспертиз» М Кронгауза. Ниже мы приводим два варианта лингвистической экспертизы, представленных студентами-магистрантами. Они анализировали высказывания Балды из «Сказки о попе и работнике его Балде» А.С. Пушкина:

«Да вот веревкой хочу море морщить

Да вас, проклятое племя, корчить».

Это была организационно-деятельностная игра, направленная на усвоение «образа» письменной лингвистической экспертизы.

Вопрос к эксперту:

«Направлено ли высказывание работника Балды в контексте данной ситуации на разжигание национальной розни, а также на унижение черт по

признаку национальности, происхождения?».

Экспертиза №1

При проведении научного исследования были использованы контент-анализ, ситуационный и лексикографический анализ.

В словаре С.И. Ожегова [Толковый словарь русского языка] даны следующие определения слов:

Проклятое – ненавистный, проклинаемый, надоевший и вызывающий досаду злобу.

Племя –1) этническая и социальная общность людей, связанных родственными отношениями, территорией, культурой, языком, самоназванием. 2) народ, народность.

Хочу (хотеть) – иметь желание, намерение, ощущать потребность в чем-н.

Корчить – корчить гримасы, гримасничать.

Таким образом, отвечая на поставленный вопрос, мы можем сказать, что в словах Балды нет направленности на разжигание национальной розни и унижения чертей по признаку национальности, так как фраза «проклятое племя» дана в виде обращения, которое в контексте данной ситуации всего лишь выражает досаду Балды от того, что ему лень выполнять поручение Попа, он устал от данной ситуации, этим не желал зла, не имел намерения оскорбить чертей. Также глагол «корчить» обозначает то, что Балда старается все перевести в шутку, скорчить рожу, спародировать чертей. Видно, что Балде надоело разговаривать с чертями.

Вывод: высказывания работника Балды не направлены на разжигание национальной розни и унижения по признаку национальности.

Экспертиза №2

По Ожегову:

Веревка – изделие из крученых или витых в несколько рядов длинных

прядей, пеньки или другого свивающегося материала.

Морщить – сдвигать в морщины; собирать складками какие-нибудь части лица.

Проклятый – ненавистный, прокливаемый, надоевший и вызывающий досаду злобу.

Племя – этническая и социальная общность людей, связанных родственными отношениями, территорией и т.д.

Корчить – сводить корчами, судорогами (разг.).

В данной ситуации Балда называет чертей «проклятым племенем», то есть, во-первых, указывает на их «неудобность», показывает на его ненависть к чертям. Считая их проклятыми, он противопоставляет их себе и своему народу, который проклятым не является, во-вторых, называя их племенем, указывает на их этническое происхождение.

Более того, Балда угрожает им физической расправой: сводить их судорогой, то есть причинить физический вред здоровью чертей.

Таким образом, Балда выделяет чертей как отдельное племя, народ, то есть по национальному признаку отделяет свой народ от их народа, выражает свою ненависть к ним и угрожает им физической расправой.

Ответ эксперта на поставленный вопрос: да, высказывание работника Балды в контексте данной ситуации направлено на разжигание национальной розни, а также на унижение чертей по признаку национальности, происхождения.

Аналогичный разбор был представлен и М. Кронгаузом и студенты, фактически, таким шуточным анализом лишь подтвердили возможность различных интерпретаций лингвистами одного и того же текста. Они имели возможность сравнить свой текст с текстом, иронически представленным М.Кронгаузом. Это задание дает возможность задуматься о назначении и структуре лингвистической экспертизы, о способах оформления ссылок на

словари, о последовательности лингвистических доказательств, о проблеме «множественности интерпретаций».

Еще один фрагмент для экспертизы был предложен студентам из сказки «Илья Муромец и Соловей Разбойник» А.С. Пушкина. Анализа этого произведения М. Кронгауз не представлял в своих работах.. А студентам вновь было предложено сделать экспертизу, дающую как положительный так и отрицательный ответ на следующий вопрос:

- Содержится ли оскорбление в адрес лошади в высказываниях Ильи Муромца в данном фрагменте:

Его добрый конь да богатырский,
А он на корни да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берёт плёточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым рёбрам,
Говорил-то он Илья таковы слова:
— Ах ты, волчья сыть да и травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Дело: «Илья Муромец и Соловей Разбойник» былина.
«Ах ты, волчья сыть да и травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?»

Экспертиза №1

При анализе высказывания Ильи Муромца были использованы контент-анализ, ситуационный и лексикографический анализ.

В Большом словаре русских поговорок есть выражение «волчья сыть»: пск. бран. Об упрямом животном (особенно лошади) образовано усечением как бранный эпитет по отношению к уставшей лошади.

«Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!»

В словаре трилогии «Государева вотчина» выражение «волчья сыть» определяется следующим образом: волчья сыть – это инвективное обращение нередко к инородцам.

В словаре многих выражений «сыть» это:

1. трад. - нар. Сыто есть, сытность.
2. Еда, корм, пища (бранно, обычно по отношению к лошади, собаке)

В Большом словаре русских поговорок «травяной мешок» - печор.- фолькл., презрительно о прожорливом и слабом коне.

В словаре Даля «травяной мешок» определяется как брань на лошадь. В высказывании также присутствует обращение «ты», которое относится к лошади, и междометие «ах», передающее упрек и досаду.

В словарях «волчья сыть» и «травяной мешок» определяются как бранные, презрительные, инвективные обращения к животным (преимущественно к лошадям). Следовательно, можно говорить об оскорбительном потенциале выражения.

Таким образом, ответ эксперта на поставленный вопрос: да, высказывание Ильи Муромца в адрес богатырского коня содержит оскорбительную лексику.

Экспертиза №2

Вопрос к эксперту: содержит ли высказывание Ильи Муромца в адрес богатырского коня оскорбительную лексику?

В словаре Даля есть выражения волчья снедь (то же, что и сыть), травяной мешок. Волчья снедь, воронье мясо, травяной мешок (брань на лошадь). Пословицы русского народа. – М.: Художественная литература. В.И. Даль, 1989

А также в словаре русских поговорок:

«Травяной мешок»

Печор. Фолькл. Презр. О прожорливом и слабом коне. Выражение из былин: «Ох ты, конь, мой конь, травяной мешок, зачем ты обрюшился». СРГНП 1, 498. Большой словарь русских поговорок – М: Олма Медиа Групп. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. 2007.

«Волчья сыть»

Пск. Бран. Об упрямом животном (особенно лошади). СПП 2001, 73. Образовано усечением выражения часто употребляемого как бранный эпитет по отношению к уставшей лошади: «Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!». Большой словарь русских поговорок – М: Олма Медиа Групп. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. 2007.

В словаре Ушакова:

«Собака»

4. перен. Негодяй, презренный человек; употр. Также вместо ругательств, сукин сын, черт и т.п. (прост. бран.) «Собаке собачья смерть» погов. «Ведь не бьет, собака, наотмашь, а тычет кулачищем прямо в рожу». Толковый словарь Ушакова Д.Н. Ушаков, 1935-1940.

Рассмотрим ситуацию: Илья Муромец едет на коне, который неловко спотыкается на корнях деревьев. Илья бьет коня плетью и говорит ему: «Ах ты, волчья сыть, травяной мешок! А ли ты идти не хочешь, а ли идти не можешь? Что ты на корни, собака, спотыкаешься?». Конь безмолвствует.

На основании применения Ильей Муромцем агрессивных физических действий к богатырскому коню можно сделать вывод, что Илья Муромец относится к нему как неравному себе существу, не обладающему сознанием и чувствами. Отсутствие ответа и какой-либо реакции со стороны коня (в том числе его молчание на протяжении всей былины), наталкивает нас на мысль, что конь не владеет русской речью и не понимает говорящего. Учитывая долгую дорогу Ильи Муромца, можно судить о напряженном

психофизиологическом состоянии богатыря, которую он вымещает на безмолвную тварь, о чем свидетельствует эмоциональное междометие «Ах», выражающее возмущение и досаду. Принимая во внимание безответственность животного, вопросы «А ли ты идти не хочешь, а ли нести не можешь? Что ты на корню, собака, спотыкаешься?» являются риторическими, что, в свою очередь, является признаком экспрессивной речи. Бранные слова и выражения травяной мешок, волчья сыть и собака в данном случае являются выражением психоэмоционального состояния героя и не носят оскорбительный характер.

Если инвектум не оскорблен и не обижен, то оскорбление не имеет силы.

Ответ на поставленный вопрос: нет, высказывание Ильи Муромца в адрес богатырского коня не содержит оскорбительную лексику.

Полученные результаты опыта проведения диагностической экспертизы студентами-филологами Тольяттинского государственного университета и Максима Кронгауза лишь подтверждают наличие ключевого отличия в существующих методиках проведения анализа речевых актов оскорбления, угрозы. Как нам кажется, этим отличием является попытка определения коммуникативного намерения или стратегии говорящих. Возможно, в разработке выявления коммуникативных стратегий через создание моделей ментальных когнитивных схем, заложенных в структуре предложений, содержатся перспективы более детального и объективного анализа спорных текстов.

Выявить стратегию – значит определить на основе анализа языковых средств и способов, воплощенных в определенного типа текстах, ключевую макроструктуру значения, обусловленную изначально проективным концептуальным видением автора способов получения оптимальных результатов в поставленной цели в данной дискурсивной деятельности.

Как правило, авторы анализируют коммуникативные стратегии через высказывания (предложения), диалогическое единство, коммуникативное событие.

Т.Е. Янко в своих исследованиях единицей анализа стратегий считает отдельное высказывание, при этом коммуникативная стратегия включает в себя:

- определение глобального речевого намерения, например, выступление с сообщением или констатацией факта;
- отбор тех составляющих семантики предложения и экстралингвистической конситуации, которые отвечают модифицирующим коммуникативным смыслам;
- выявление того, какой объем информации приходится на одну тему, одну ремю и т. д.;
- соотнесение квантов информации о ситуации с состояниями сознания собеседников и фактором эмпатии;
- определение порядка следования коммуникативных частей;
- настройку коммуникативной структуры предложения на определенный коммуникативный режим (диалогический, нарративный, режим озвучивания письменного текста), стиль и жанр [96, с. 38].

Методика проведения экспертизы К.И. Бринева и Т.И. Чернышовой подразумевает определение речевых стратегий и тактик, в том время как А.Н. Баранов и И.А. Стернин ограничиваются перечнем диагностических признаков. Этот упрощенный подход, конечно, во многом оправдан: на сегодняшний день методика анализа речевых актов оскорбления и угрозы в аспекте речевых стратегий и тактик разработана недостаточно. Между тем, как показывает практика, попытка определение коммуникативной стратегии приводит к получению более полной и объективной лингвистической экспертизы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфликтогенность свойственна самой природе языка, и это предполагает «множественность интерпретаций» одного и того же речевого произведения. Возможность разной интерпретации коммуникативного намерения становится главным источником конфликта. Повышение речевой агрессии в обществе, частотность речевых актов оскорбления в средствах массовой информации приводит участников коммуникации к необходимости правового регулирования речевого конфликта.

Конфликтный дискурс реализуется через особые речевые акты, рамки которых создают представление о речевом жанре оскорбления. Опираясь на типизированные сценарии (фреймовые структуры) речевого акта оскорбления ученые предложили описание типологических моделей речевого акта оскорбления (Т.В. Чернышова и Е.В. Голощапова, К.И. Бринев). Соотнесение речевых актов, разворачивающихся в реальной дискурсивной практике, с такими моделями – эффективный прием анализа речевого акта оскорбления.

Конфликтное речевое взаимодействие может проявляться в высказываниях, выполняющих инвективную функцию и реализующихся через оскорбительную речь, а также через оценочное высказывание, направленное на понижение статуса коммуниканта. Особое значение имеет разработанная К.И. Бриневым модель, в которой оскорбление является составной частью манипулятивного речевого акта с измененным параметром условий искренности. Такая модель помогает анализировать речевые акты манипулятивного характера, используемые в СМИ.

Актуализированная Т.В. Чернышовой модель речевой коммуникации Р.О. Якобсона в соотнесении с моделями анализа речевого акта оскорбления

позволяет реализовать на практике метод интегративного (комплексного) анализа текста, предъявляемого на лингвистическую экспертизу. Это позволяет проводить анализ текстов с целью выделения их типологических признаков по схеме, которая объединяет несколько методических процедур: определение оценочного потенциала заголовка; констатация факта; выделение на основе текстового анализа речевых актов дискредитации, послужившего основой для оценочного комментария; описание их структурно-логических и композиционных особенностей и их роли в формировании стратегии «на понижение»; характеристика языковых и композиционных средств и способов, реализующих стратегию дискредитации.

В магистерской диссертации показано, как журналисты и ведущие телевизионных программ активно используют приемы, провоцирующие речевую агрессию собеседников для того, чтобы создать атмосферу шоу-дебатов, острых словесных поединков (на примере телевизионной авторской программы В. Соловьева «Поединок» от 28 февраля 2012 года и конфликтного речевого общения с Интернет-аудиторией Д.Быкова в рамках медиапроекта «Гражданин поэт»).

В данной работе мы выявили, что речевая стратегия направлена на изменение восприятия картины мира партнера, что речевая стратегия на понижение статуса путем оскорблений и угроз в адрес оппонента в телевизионном шоу В.Соловьева «Поединок» - способ организации конфликтного дискурса с целью определенным образом воздействовать на слушателей в преддверии выборов для корректировки «картин мира» избирателей, связанных с кандидатами в президенты.

Нами доказано, что коммуникативная функция многих выражений из таких текстов завуалирована, часто встречаются двусмысленные тексты, косвенно выражающие инвективный смысл, что «стратегия дискредитации

иногда маскируется под личное мнение автора текста, но его выдает «изобилие негативной авторской оценочности в ущерб фактологической информации».

Такая оценочность создается эмоционально-риторическими структурами, ориентированными на конфликтность.

Метод интегративного анализа, приемы лингвистической экспертизы, представленные в работе, позволяют выявить речевые акты оскорбления и угрозы, определить, при помощи каких тактик воплощаются конкретные речевые стратегии (например, стратегия дискредитации первых лиц государства, певцов, политиков). Это перспективный путь, дающий лингвистам, занимающимся лингвистической экспертизой, операционные знания, которые в дальнейшем могут помочь им в осуществлении профессиональной деятельности в данной области.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация [Текст]. – М. : Лабиринт, 2007.
2. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров [Текст] / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. (2)
3. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998.
4. Борисова, И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге [Текст] / И.Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996. – С. 21-48. (3)
5. Бринев, К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе [Текст] / К.И.Бринев – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
6. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография [Текст] / К.И. Бринев ; под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009..
7. Булыгина, Е.Ю., Стексова, Т.И. Проявление языковой агрессии в СМИ [Текст] / Е.Ю.Булыгина // Юрислингвистика-2. Барнаул, 2000.
8. Быкова, О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» [Текст] / О.Н.Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). Красноярск, 1999.
9. Вакуров, В.Н. Стилистика газетных жанров [Текст] / В.Н. Вакуров, Н.Н.Кохтев, Г.Я. Солганик. – М., 1978.(4)
10. Вежбицка, А. Речевые жанры [Текст] / А. Вежбицка // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997.(5)
11. Гайда, С. Проблемы жанра [Текст] / С. Гайда // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. – Пермь, 1986. – С. 22–

28.

12. Голев, Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении [Текст] / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 1999.

13. Голев, Н.Д. Речевой конфликт в аспекте множественности интерпретации речевых произведений: Сайт «Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://siberiaexpert.com/publ/rechevoj_konflikt_v_aspekte_mnozhestvennosti_i_interpretacii_rechevykh_proizvedenij_na_materiale_russkikh_igrovykh_tekstov/3-1-0-211 (дата обращения 1.04.2015).

14. Гольдин, В.Е. Проблемы жанроведения [Текст] / В.Е. Гольдин // Жанры речи: Сборник науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 4–7.

15. Горбаневский, М.В., Караулов Ю.В, Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком: О нарушении норм литературной речи в электронных и печатных СМИ [Текст] / М.В. Горбаневский, М, 2000.

16. Горошко, Е.И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области [Текст] / Е.И. Горошко // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ, 2007. – Вып. 5. Жанр и культура. – С. 370-388.

17. Грайс, Г.П. Логика речевого общения [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Л.,- М., 1985. Вып. 16.

18. Григорьева, Е.А. Приемы речевого манипулирования в текстах религиозного характера (на материалах публикаций в журналах «Сторожевая башня» и «Пробудитесь!») [Текст] / Е.А. Григорьева, О.А. Петрова // Вестник Чувашского университета. – 20013. – № 2. С. 165-169.

19. Даньковский, Х. Словесная агрессия [Текст] / Х. Даньковский // Наука и жизнь. – 1995 - №6.

20. Дейкван, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] М., 1989.

21. Дементьев, В.В. Аспекты проблемы «жанр и язык» : жанры речи и ... «язык речи»? [Текст] / В.В. Дементьев. – // Жанры речи : сборник науч. статей. – Саратов : Изд. центр «Наука», 2009. – С. 5-22.
22. Дементьев, В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике [Текст] / В.В. Дементьев. – Вопросы языкознания. – 1997. – №1.
23. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры [Текст] / В.В. Дементьев. – Саратов, 2000.
24. Дементьев, В.В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров [Текст] / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов. – Саратов, 1998.
25. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров [Текст] / В.В. Дементьев. – М. : Знак, 2010.
26. Дементьев, В.В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров [Текст] / В.В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 34-43.
27. Демьянков, В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) [Текст] / В.З. Демьянков // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1982. – Т. 41. - № 4. – С. 327-337.
28. Дмитриев, А.В., Кудрявцев В.П., Кудрявцев С.В. Юридическая конфликтология. [Текст] / А.В.Дмитриев. Ч. 1. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993.
29. Долинин, К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина [Текст] / К.А. Долинин // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX в.. – СПб., 1998.
30. Доронина, С.В. Инвективная функция насмешки и проблема ее экспертной оценки [Текст] / С.В. Доронина // Юрислингвистика-3. Барнаул, 2002.
31. Дубровская, О.Н. Речевые жанры, речевые события и новые средства

коммуникации [Текст] / О.Н. Дубровская // Жанры речи. – Саратов, 2007. – Вып. 5. Жанр и культура. – С. 360-369.

32. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. — М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

33. Жанры речи: сборник статей. [Текст] – Вып. 5. Жанр и культура. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2007.

34. Жанры речи: сборник статей. [Текст] – Вып. 6. Жанр и язык. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009.

35. Жанры речи: сборник статей. [Текст] – Вып. 7. Жанр и языковая личность. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2011.

36. Жельвис, В.И. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: Автореф. дис. докт. филол наук. М., 1992

37. Жельвис, В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия [Текст] / В.И.Жельвис // Юрислингвистика-2. Барнаул, 2000.

38. Жириновский, В.В. Предвыборные дебаты, Москва, 28 февр. 2012, <http://www.youtube.com/watch?v=d1jOidrxqHo>

39. Ильенко, С.Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии [Текст] / С.Г.Ильенко // Аспекты речевой конфликтологии: Сб.ст. СПб., 1996.

40. Иссерс, О.С. Дискурсивные практики нашего времени [Текст] / О.С. Иссерс. – изд. 2-е испр. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 272 с. ; цв. вкл. . ISBN 978-5-9710-0787-6.

41. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с

42. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд-е 4-е, стереотип. М.: КомКнига, 2006. 288 с.

43. Иссерс, О.С. Речевое воздействие : учеб. пособие [Текст] / О.С. Иссерс. – 3-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 240 с. ISBN 978-5-9765-0766-1 (ФЛИНТА). ISBN 978-5-02-034575-1 (Наука).

44. Иссерс, О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге [Текст] / О.С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. – М., 2009. – № 2 (18). – С. 92-104.

45. Иссерс, О.С. Стратегия рефрейминга в аспекте лингвокреативной деятельности [Текст] / О.С. Иссерс // Лингвистика креатива : коллект. моногр. \ отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург 6 ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2009. – С. 216-229.

46. Капленко, В.Н. Инвективность открытая и скрытая [Текст] / В.Н.Капленко // Юрислингвистика-3. Барнаул, 2002.

47. Качесова, И.Ю. Коммуникативно-деятельностный аспект аргументации [Текст] / И.Ю. Качесова // Человек – Коммуникация – Текст. Барнаул, 1999. Вып. 3.

48. Качесова, И.Ю. Синтаксическая композиция текстов рассказов В.М. Шукшина: Трансформационный аспект [Текст] / И.Ю. Качесова: Дисс... канд. филол. наук. – Барнаул, 1998.

49. Качесова, И.Ю. Текстовые реализации характеристик поля аргументации [Текст] / И.Ю. Качесова // Филология и человек. – 2008. – № 2.

50. Китайгородская, М. В., Розанова Н. Н. «Свое» – «Чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. 1995. № 1. С. 93-116.

51. Кожина, М.Н. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах [Текст] /М.Н. Кожина // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 1999.

52. Койт, М.Э. Понятие коммуникативной стратегии в модели общения [Текст] / М.Э. Койт, Х.Я. Ыйм // Ученые записки Тарт. ун-та. Вып. 793. Психологические проблемы познания действительности: труды по искусственному интеллекту. – Тарту, 1988. – С. 97-110.

53. Комментарии к статье 280 УК РФ.[Электронный ресурс] – URL:

http://www.labex.ru/page/kom_uk_280.html

54. Комлев, Н.Г. Лингво-семантические мотивы возникновения и разрешения межперсонального конфликта [Текст] / Н.Г.Комлев // Тез. VI всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1978.

55. Кронгауз, М.А. Может быть, проще запретить Жириновскому произносить слово «русский», особенно перед выборами. Филолог Максим Кронгауз — о лингвистических особенностях предвыборной борьбы [Электронный ресурс] / М.А.Кронгауз. – М.: Известия. – Режим доступа: URL: <http://iz.ru/news/501089>

56. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва. Лингвистическая экспертиза [Текст] / М.А.Кронгауз, М.:Астрель, Corpus, 2011,

57. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. Монография [Текст] / Е.С.Кубрякова . Изд-е 3. – М.: Изд-во ЛИБРОКОМ, 2010.

58. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века [Текст] / Е.С.Кубрякова // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144-238.

59. Лебедева, Н.Б. К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной речи) [Текст] / Н.Б. Лебедева // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. – Ч. II: Теория и практика современной письменной речи. – Барнаул, 2003.

60. Левин, Ю.В. Лирика с коммуникативной точки зрения [Текст] / Ю. И. Левин // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. - М.: Языки русской культуры, 1998. – С.464– 482 .

61. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

62. Матвеева, Т.В. К лингвистической теории жанра [Текст] / Т.В. Матвеева // Collegium, 1–2. – Киев, 1995.

63. Михалева, О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.
64. Николаева, Т.М. Лингвистическая демагогия [Текст] / Т.М.Николаева // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
65. Николина, Н.А. Филологический анализ текста : учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / Н.А. Николина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2007.
66. Плотникова, О.А. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. / О.А. Плотникова. – Омск, 2007.
67. Программа «Место встречи» на НТВ, Москва, 26 апреля 2017. – Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/1800578/>
68. Прохоров, М.Д. Предвыборные дебаты, Москва, 28 февр. 2012. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=d1jOidrxqHo>
69. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. – М.: Медиум, 1995.
70. Салимовский, В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении [Текст] / В.А. Салимовский. – Пермь: Пермский университет, 2002. – 235 с.
71. Седов, К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» [Текст] / К.Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 188-194.
72. Седов, К.Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии / К.Ф. Седов // Труды Международного семинара «Диалог-2002» по компьютерной лингвистике и ее приложениям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/materials>.
73. Сиротинина, О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов "речевой жанр" и "риторический жанр" [Текст] / О.Б. Сиротинина // Жанры речи. – Саратов, 1999.

74. Сковородников, А.П. Языковое насилие в современной российской прессе [Текст] / А.П.Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-метод. бюлл. Вып. 2. Красноярск; Ачинск, 1996.
75. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика: Сложное синтаксическое целое [Текст] / Г.Я. Солганик. – М.: Наука, 1973. – 262 с.
76. Сомова, Л.А. Развитие дискурсивного мышления учащихся при изучении филологических дисциплин / XXXIV Зональная конференция литературоведов Поволжья: материалы конференции (3-4 октября 2024 года), гл. редактор О.М.Буранок. – Казань : Изд – во КФУ, 2014,.- С 278 – 283.
77. Стернин, И.А. О понятии эффективного общения [Текст] / И.А.Стернин // Преподавание культуры общения в средней школе. Воронеж, 1995.
78. Сухих, С.А. Речевые интеракции и стратегии [Текст] / С.А. Сухих // Языковое общение и его единицы. – Калинин, 1986.
79. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати [Текст] / А.А. Тертычный. – М., 2005.
80. Третьякова В.С. Прагматика речевого конфликта [Текст] / В.С.Третьякова, // Проблемы лингвистического образования школьников: Материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург 25-26 марта 1999 г. Екатеринбург, 1999.
81. Третьякова, В.С. Речевое поведение педагога с установкой на конфликт [Текст] / В.С.Третьякова // Детская речь и пути ее совершенствования: Материалы науч.-практ. конференции Екатеринбург 28-29 марта 2000. Екатеринбург, 2000.
82. Федосюк, М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи [Текст] / М.Ю. Федосюк // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С.66-87.
83. Федосюк, М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров [Текст] /

М.Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997. – №5.

84. Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика [Текст] / Н.И. Формановская. – М.: Икар, 2007.

85. Чернышова, Т.В. Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания [Текст] / Т.В.Чернышова // Юрислингвистика- 3. Проблемы юридической экспертизы. – Барнаул, 2002, С.42-45

86. Чернышова, Т.В., Голощапова Е.В. Речевой жанр «оскорбление»: основания построения типологической модели (на материале судебных постановлений) [Текст] / Т.В. Чернышова // Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации: Материалы Второй Междунар.науч.-практ.конф. (г. Барнаул, 14-18 апреля 2009 г.). – Ч. 1., Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2009. – С. 94-98.

87. Чернышова, Т.В. Типологические признаки текстов дискредитирующего типа [Текст] /Т.В.Чернышова // Политическая коммуникация: материалы междун. науч. конф. (Екатеринбург, 24-26 сентября 2013 г.), гл. ред. А.П.Чудинов, ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2013. С.356 – 363.

88. Шарифуллин, Б.Я.Инвектива: лингвистика vs. юриспруденция, или лингвистика atque юриспруденция [Текст] / Б.Я.Шарифуллин // Вестник Красноярского ун-та. Гуманитарная серия. Вып. 2. Красноярск, 2000.

89. Шарифуллин, Б.Я.Обсценная лексика: терминологические заметки [Текст] / Б.Я.Шарифуллин// Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. №1(9). Красноярск, 2000.

90. Шибаева, Л.В. Жанры в теории и практике журналистики [Электронный ресурс] / Л.В. Шибаева . – URL: [http:// www.library.cjes.ru](http://www.library.cjes.ru)

91. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра [Текст] / Т.В.Шмелева // Жанры

речи. Саратов, 1997.

92. Шмелева, Т.В. Жанроведение? Генристика? Генология? [Текст] / Т.В. Шмелева // Речевое общение Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. – Красноярск, 2006. – № 8–9 (16–17). – С. 121–127.

93. Шмелева, Т.В. Речевой жанр [Текст] / Т.В. Шмелева // Русистика. – №2. – Берлин, 1990.

94. Щербинина, Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления [Текст] / Ю.В. Щербинина. – М.: Флинта: Наука, 2004.

95. Янко, Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте [Текст] / Т.Е. Янко. – М., 2008.

96. Янко, Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи [Текст] / Т.Е. Янко. – М.: «Языки славянской культуры» (Studia philologica), 2001.

Приложение 1

Стихотворения Д.Быкова

1. Медиа-проекта Д. Быкова и М. Ефремова «Гражданин - поэт» первоначально являлся телевизионным проектом телеканала «Дождь», затем был свернут на телевидении, «переброшен» на радио «Эхо Москвы» и в Интернет. «Собеседниками» Интернет-пользователей стали поэты В. Маяковский и Д.Быков, вступившие в диалог (интертекстуальные связи), артист-чтец М. Ефремов (оригинально интерпретирующий и смыслы В. Маяковского и подтексты Д. Быкова), персонажи обоих стихотворений, прототипы героев (реальный строитель Кузнецка по фамилии Хренов из прошлого и «подполковник» из настоящего):

Двадцать лет – ни хрена нет

На землю капли падали.
Сквозь дождь белел с трудом,
Щетинясь баррикадами,
Московский белый дом.
Сейчас, конечно, совестно,
Но двадцать лет назад
Мы думали, что вскорости
Здесь будет город-сад.

Мы думали тогда ведь,
Наивные шуты,
Что если нас не давят,
То мы уже круты,
Нам выдана свобода,
Совок не воскресят –
Через четыре года
Здесь будет город-сад.

Потом не стало бабок,
Порядок обветшал,

Страна упала на бок
И треснула по швам,
Затлела по окраинам
И двинулась на слом
Отравленным, ославленным,
Оплавленным куском.
Но мы – не та порода,
Чтоб нас пугал распад.
Через четыре года
Здесь будет город-сад!

Потом герои запили,
Простились со стыдом,
Потом разбили залпами
Тот самый Белый дом,
По дури ли, по злобе ли
Взъярились дети гор —
Мы столько там угробили,
Что страшно до сих пор.
Но тучи в час восхода
Плотней всего висят.
Через четыре года
Здесь будет город-сад!

Потом у олигархии
Случился передел,
Ведущие загавкали,
Борис недоглядел.
Смотрители клоповника
Отправили в полет
Тихоню-подполковника
Из питерских болот,
И вот толпа народа
Лобзает новый зад:
Через четыре года
Здесь будет город-сад!

Фронтов незримых воин,
Наряженный в царя!
Я многое усвоил
Тебе благодаря.
Я вызубрил, как надо,

Без ложного стыда:
Ни города, ни сада
Не будет никогда.

Мечтать тяжело
О веке золотом.
И сад тут был когда-то,
И город был потом.
Пришла иная мода,
Прогнозы тут просты:
Через четыре года
Здесь будешь только ты.

Прощайте, баррикады,
Прощай, железный хлам.
Мы были дураками,
Когда стояли там.
Пора признать спокойненько,
Оставив торжество,
Что кроме подполковника,
Не будет ничего.
Он с приткостью любовника
Проник во все умы.
Гляжу на подполковника —
И вижу: это мы.

Осталось пить без просыпа,
До белых поросят.
Здесь нет другого способа
Устроить город-сад.

2. Дмитрий Быков написал новые стихи о Владимире Путине и Дмитрии Медведеве, в которых рассуждает о взаимоотношениях в тандеме, вспоминают полемику первых лиц о ситуации в Ливии. Стихи должны были прозвучать в одной из передач телеканала «Дождь». Однако телеканал отказался от этой идеи.

Позицию "Дождя" на страничке в Facebook объяснила гендиректор телеканала Наталья Синдеева. «Несмотря на то, что стихотворение написано,

как всегда, очень талантливо, на наш взгляд, в нем есть фразы, которые способны обидеть не политика, а человека. А нам этого очень не хочется. И это позиция нашего телеканала всегда. Мы помним о своем обещании быть открытыми и честными», – написала Синдеева.

Тем не менее текст стихотворения быстро разошелся среди пользователей Сети.

Со мною вот что происходит:
Ко мне мой старый друг не ходит,
И даже открывает рот,
И говорит наоборот!
А я катал его на лыжах,
Учил не отдавать Курил...
Он слов тогда не то что лишних —
Он никаких не говорил!
Допустим, я, руля державой
Небрежной левою рукой,
Часы ношу всегда на правой,
А он не помню на какой.
Но, в общем, мы ходили цугом,
Я был вполне доволен другом —
И вот в один прекрасный миг
В прямом эфире он возник.
Еще зимой, не ради спору,
Имея ЮКОС на уме,
Я внятно высказал, что ворю
Сидеть положено в тюрьме.
А он с хихиканьем подспудным
Сказал, что я давлю на суд, мол,
И зарезвились в суете
Разнообразные не те.
Потом с усмешкою рисковей
Сказал я, пальцем погрозя,
Что, мол, на Ливию Крестовый
Поход устраивать нельзя.
И услышал от друга строго,
Мол, мы пойдем другой дорогой!
Меня публично он уел.
Ты что же, милый, обалдел?
Зачем тебе со мною ссора?

Иль ты наслушался ИНСОРа?
Иль ты забыл, освоив власть,
Что не на все ты можешь класть?
Ты мне невежливо ответил,
И в общем, судя по губе,
Ты неосознанно наметил
Второе царствие себе!
Иль соблазнил тебя Гонтмахер
Своей словесною пургой?
Тебе его послать бы в рифму,
Но ты не Быков, ты другой.
Тебя прельстили эти цацки,
Тебя опутывает лесь,
Но это так не по-пацански!
Ты помни, Дима, кто ты есть!
Какой резон в таких демаршах?
Запомни, Дима, ты из младших,
Ваш долг — доверие к отцам!
Димон! Ты что как не пацан?!
А дальше вот что происходит:
Ко мне в волнении приходят
Силовики, сырьевики
И остальные земляки,
Визжат Сванидзе и Альбацы,
А я в ответ: спокойно, братцы.
Он президент, но я же — вождь,
И это знает даже "Дождь".
И пусть порой он смотрит злобно,
Серьезный парень, но не царь,
И вышло как бы неудобно...
Но мы подружимся, как встарь.

Приложение 2

Федеральный закон от 5 мая 2014 г. N 97-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей"

Принят Государственной Думой 22 апреля 2014 года

Одобен Советом Федерации 29 апреля 2014 года

Статья 1 Внести в Федеральный закон от 27 июля 2006 года N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (Собрание законодательства Российской Федерации, 2006, N 31, ст. 3448; 2010, N 31, ст. 4196; 2011, N 15, ст. 2038; N 30, ст. 4600; 2012, N 31, ст. 4328; 2013, N 14, ст. 1658; N 23, ст. 2870; N 27, ст. 3479; N 52, ст. 6961, 6963) следующие изменения:

1) дополнить статьей 10 следующего содержания: "Статья 10 . Обязанности организатора распространения информации в сети "Интернет"

1. Организатором распространения информации в сети "Интернет" является лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети "Интернет".

2. Организатор распространения информации в сети "Интернет"

обязан в установленном Правительством Российской Федерации порядке уведомить федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, о начале осуществления деятельности, указанной в части 1 настоящей статьи.

3. Организатор распространения информации в сети "Интернет" обязан хранить на территории Российской Федерации информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей сети "Интернет" и информацию об этих пользователях в течение шести месяцев с момента окончания осуществления таких действий, а также предоставлять указанную информацию уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами.

4. Организатор распространения информации в сети "Интернет" обязан обеспечивать реализацию установленных федеральным органом исполнительной власти в области связи по согласованию с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, требований к оборудованию и программно-техническим средствам, используемым указанным организатором в эксплуатируемых им информационных системах, для проведения этими органами в случаях, установленных федеральными законами, мероприятий в целях реализации возложенных на них задач, а также принимать меры по недопущению раскрытия организационных и тактических приемов

проведения данных мероприятий. Порядок взаимодействия организаторов распространения информации в сети "Интернет" с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, устанавливается Правительством Российской Федерации.

5. Обязанности, предусмотренные настоящей статьей, не распространяются на операторов государственных информационных систем, операторов муниципальных информационных систем, операторов связи, оказывающих услуги связи на основании соответствующей лицензии, в части лицензируемой деятельности, а также не распространяются на граждан (физических лиц), осуществляющих указанную в части 1 настоящей статьи деятельность для личных, семейных и домашних нужд. Правительством Российской Федерации в целях применения положений настоящей статьи определяется перечень личных, семейных и домашних нужд при осуществлении деятельности, указанной в части 1 настоящей статьи.

6. Состав информации, подлежащей хранению в соответствии с частью 3 настоящей статьи, место и правила ее хранения, порядок ее предоставления уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, а также порядок осуществления контроля за деятельностью организаторов распространения информации в сети "Интернет", связанной с хранением такой информации, и федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление этого контроля, определяются Правительством Российской Федерации.";

2) дополнить статьей 10 следующего содержания:

"Статья 10. Особенности распространения блогером общедоступной информации"

1. Владелец сайта и (или) страницы сайта в сети "Интернет", на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети "Интернет" (далее - блогер), при размещении и использовании указанной информации, в том числе при размещении указанной информации на данных сайте или странице сайта иными пользователями сети "Интернет", обязан обеспечивать соблюдение законодательства Российской Федерации, в частности:

1) не допускать использование сайта или страницы сайта в сети "Интернет" в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань;

2) проверять достоверность размещаемой общедоступной информации до ее размещения и незамедлительно удалять размещенную недостоверную информацию;

3) не допускать распространение информации о частной жизни гражданина с нарушением гражданского законодательства;

4) соблюдать запреты и ограничения, предусмотренные законодательством Российской Федерации о референдуме и законодательством Российской Федерации о выборах;

5) соблюдать требования законодательства Российской Федерации, регулирующие порядок распространения массовой информации;

6) соблюдать права и законные интересы граждан и организаций, в том числе честь, достоинство и деловую репутацию граждан, деловую репутацию организаций.

2. При размещении информации на сайте или странице сайта в сети "Интернет" не допускается:

1) использование сайта или страницы сайта в сети "Интернет" в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений;

2) распространение информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями.

3. Блогер имеет право:

1) свободно искать, получать, передавать и распространять информацию любым способом в соответствии с законодательством Российской Федерации;

2) излагать на своих сайте или странице сайта в сети "Интернет" свои личные суждения и оценки с указанием своего имени или псевдонима;

3) размещать или допускать размещение на своих сайте или странице сайта в сети "Интернет" текстов и (или) иных материалов других пользователей сети "Интернет", если размещение таких текстов и (или) иных материалов не противоречит законодательству Российской Федерации;

4) распространять на возмездной основе рекламу в соответствии с гражданским законодательством, Федеральным законом от 13 марта 2006 года N 38-ФЗ "О рекламе" на своих сайте или странице сайта в сети "Интернет".

4. Злоупотребление правом на распространение общедоступной информации, выразившееся в нарушении требований частей 1, 2 и 3 настоящей статьи, влечет за собой уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

5. Блогер обязан разместить на своих сайте или странице сайта в сети "Интернет" свои фамилию и инициалы, электронный адрес для направления ему юридически значимых сообщений.

6. Блогер обязан разместить на своих сайте или странице сайта в сети "Интернет" незамедлительно при получении решение суда, вступившее в законную силу и содержащее требование о его опубликовании на данных сайте или странице сайта.

7. Владельцы сайтов в сети "Интернет", которые зарегистрированы в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года N 2124-I "О средствах массовой информации" в качестве сетевых изданий, не являются блогерами.

8. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, ведет реестр сайтов и (или) страниц сайтов в сети "Интернет", на которых размещается

общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети "Интернет". В целях обеспечения формирования реестра сайтов и (или) страниц сайтов в сети "Интернет" федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи:

- 1) организует мониторинг сайтов и страниц сайтов в сети "Интернет";
- 2) утверждает методику определения количества пользователей сайта или страницы сайта в сети "Интернет" в сутки;
- 3) вправе запрашивать у организаторов распространения информации в сети "Интернет", блогеров и иных лиц информацию, необходимую для ведения такого реестра. Указанные лица обязаны предоставлять запрашиваемую информацию не позднее чем в течение десяти дней со дня получения запроса федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи.

9. В случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет", сайтов или страниц сайтов, на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети "Интернет", включая рассмотрение соответствующих обращений граждан или организаций, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи:

- 1) включает указанные сайт или страницу сайта в сети "Интернет" в реестр сайтов и (или) страниц сайтов в сети "Интернет", на которых

размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети "Интернет";

2) определяет провайдера хостинга или иное обеспечивающее размещение сайта или страницы сайта в сети "Интернет" лицо;

3) направляет провайдеру хостинга или указанному в пункте 2 настоящей части лицу уведомление в электронном виде на русском и английском языках о необходимости предоставления данных, позволяющих идентифицировать блогера;

4) фиксирует дату и время направления уведомления провайдеру хостинга или указанному в пункте 2 настоящей части лицу в соответствующей информационной системе.

10. В течение трех рабочих дней с момента получения уведомления, указанного в пункте 3 части 9 настоящей статьи, провайдер хостинга или указанное в пункте 2 части 9 настоящей статьи лицо обязаны предоставить данные, позволяющие идентифицировать блогера.

11. После получения данных, указанных в пункте 3 части 9 настоящей статьи, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, направляет блогеру уведомление о включении его сайта или страницы сайта в реестр сайтов и (или) страниц сайтов в сети "Интернет", на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети "Интернет", с указанием требований законодательства Российской Федерации, применимых к данным сайту или странице сайта в сети "Интернет".

12. В случае, если доступ к сайту или странице сайта в сети "Интернет" на протяжении трех месяцев составляет в течение суток менее трех тысяч пользователей сети "Интернет", данный сайт или данная страница сайта в сети "Интернет" по заявлению блогера исключается из реестра сайтов и (или) страниц сайтов в сети "Интернет", на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети "Интернет", о чем блогеру направляется соответствующее уведомление. Данные сайт или страница сайта в сети "Интернет" могут быть исключены из этого реестра при отсутствии заявления блогера, если доступ к данным сайту или странице сайта в сети "Интернет" на протяжении шести месяцев составляет в течение суток менее трех тысяч пользователей сети "Интернет".";

3) дополнить статьей 15 следующего содержания:

"Статья 15 . Порядок ограничения доступа к информационному ресурсу организатора распространения информации в сети "Интернет"

1. В случае установленного вступившим в законную силу постановлением по делу об административном правонарушении неисполнения организатором распространения информации в сети "Интернет" обязанностей, предусмотренных статьей 10 настоящего Федерального закона, в его адрес (адрес его филиала или представительства) уполномоченным федеральным органом исполнительной власти направляется уведомление, в котором указывается срок исполнения таких обязанностей, составляющий не менее чем пятнадцать дней.

2. В случае неисполнения организатором распространения информации в сети "Интернет" в указанный в уведомлении срок

обязанностей, предусмотренных статьей 10 настоящего Федерального закона, доступ к информационным системам и (или) программам для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети "Интернет" и функционирование которых обеспечивается данным организатором, до исполнения таких обязанностей ограничивается оператором связи, оказывающим услуги по предоставлению доступа к сети "Интернет", на основании вступившего в законную силу решения суда или решения уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

3. Порядок взаимодействия уполномоченного федерального органа исполнительной власти с организатором распространения информации в сети "Интернет", порядок направления указанного в части 1 настоящей статьи уведомления, порядок ограничения и возобновления доступа к указанным в части 2 настоящей статьи информационным системам и (или) программам и порядок информирования граждан (физических лиц) о таком ограничении устанавливаются Правительством Российской Федерации."

Статья 2 Внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 1, ст. 1; N 30, ст. 3029; N 44, ст. 4295; 2003, N 27, ст. 2700, 2708, 2717; N 46, ст. 4434; N 50, ст. 4847, 4855; 2004, N 31, ст. 3229; N 34, ст. 3529, 3533; N 44, ст. 4266; 2005, N 1, ст. 9, 13, 40, 45; N 10, ст. 763; N 13, ст. 1075, 1077; N 19, ст. 1752; N 27, ст. 2719, 2721; N 30, ст. 3104, 3131; N 50, ст. 5247; N 52, ст. 5574; 2006, N 1, ст. 4, 10; N 2, ст. 172; N 6, ст. 636; N 10, ст. 1067; N 12, ст. 1234; ст. 1776; N 18, ст. 1907; N 19, ст. 2066; N 23, ст. 2380; N 31, ст. 3420, 3438, 3452; N 45, ст. 4634, 4641; N 50, ст. 5279, 5281; N 52, ст. 5498; 2007, N 1, ст. 21, 29; N 16, ст. 1825; N 26, ст. 3089; N 30,

ст. 3755; N 31, ст. 4007, 4008, 4015; N 41, ст. 4845; N 43, ст. 5084; N 46, ст. 5553; 2008, N 18, ст. 1941; N 20, ст. 2251, 2259; N 30, ст. 3604; N 49, ст. 5745; N 52, ст. 6235, 6236; 2009, N 7, ст. 777; N 23, ст. 2759; N 26, ст. 3120, 3122; N 29, ст. 3597, 3642; N 30, ст. 3739; N 48, ст. 5711, 5724; N 52, ст. 6412; 2010, N 1, ст. 1; N 19, ст. 2291; N 21, ст. 2525; N 23, ст. 2790; N 25, ст. 3070; N 27, ст. 3416; N 30, ст. 4002, 4006, 4007; N 31, ст. 4158, 4164, 4193, 4195, 4198, 4206, 4207, 4208; N 41, ст. 5192; N 46, ст. 5918; N 49, ст. 6409; 2011, N 1, ст. 10, 23, 54; N 7, ст. 901; N 15, ст. 2039; N 17, ст. 2310; N 19, ст. 2714, 2715; N 23, ст. 3260; N 27, ст. 3873; N 29, ст. 4290, 4298; N 30, ст. 4573, 4585, 4590, 4598, 4600, 4601, 4605; N 46, ст. 6406; N 47, ст. 6602; N 48, ст. 6728, 6730; N 49, ст. 7025, 7061; N 50, ст. 7342, 7345, 7346, 7351, 7352, 7355, 7362, 7366; 2012, N 6, ст. 621; N 10, ст. 1166; N 19, ст. 2278, 2281; N 24, ст. 3069, 3082; N 29, ст. 3996; N 31, ст. 4320, 4322, 4330; N 41, ст. 5523; N 47, ст. 6402, 6403, 6404, 6405; N 49, ст. 6757; N 53, ст. 7577, 7602, 7640; 2013, N 8, ст. 718; N 14, ст. 1642, 1651, 1658, 1666; N 19, ст. 2323, 2325; N 26, ст. 3207, 3208, 3209; N 27, ст. 3454, 3469, 3470, 3477; N 30, ст. 4025, 4029, 4030, 4031, 4032, 4034, 4036, 4040, 4044, 4078, 4082; N 31, ст. 4191; N 43, ст. 5443, 5444, 5445, 5452; N 44, ст. 5624, 5643, 5644; N 48, ст. 6161, 6163, 6165; N 49, ст. 6327, 6341, 6342, 6343, 6344; N 51, ст. 6683, 6685, 6695, 6696; N 52, ст. 6961, 6980, 6986, 6994, 7002; 2014, N 6, ст. 557, 559, 566; N 11, ст. 1092, 1096; N 14, ст. 1562) следующие изменения: 1) абзац первый части 1 статьи 3.5 после слов "частью 4 статьи 18.15," дополнить словами "статьей 19.7 ,"; 2) статью 13.18 изложить в следующей редакции:

"Статья 13.18. Воспрепятствование уверенному приему радио- и телепрограмм и работе сайтов в сети "Интернет"

1. Воспрепятствование уверенному приему радио- и телепрограмм путем создания искусственных помех - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пятисот до одной тысячи рублей; на

должностных лиц - от одной тысячи до двух тысяч рублей; на юридических лиц - от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей

2. Воспрепятствование работе сайтов в сети "Интернет", в том числе официальных сайтов органов государственной власти или органов местного самоуправления, за исключением случаев ограничения доступа к сайтам в сети "Интернет" на основании решения суда или решения уполномоченного федерального органа исполнительной власти, либо совершение действий, направленных на заведомо незаконное ограничение доступа к таким сайтам, - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пятисот до одной тысячи рублей; на должностных лиц - от одной тысячи до двух тысяч рублей; на юридических лиц - от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей.";

3) главу 13 дополнить статьей 13.31 следующего содержания: **"Статья 13.31. Неисполнение обязанностей организатором распространения информации в сети "Интернет"**

1. Неисполнение организатором распространения информации в сети "Интернет" обязанности уведомить уполномоченный федеральный орган исполнительной власти о начале осуществления деятельности по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети "Интернет", - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей; на должностных лиц - от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц - от ста тысяч до трехсот тысяч рублей.

2. Неисполнение организатором распространения информации в сети "Интернет" установленной федеральным законом обязанности хранить и

(или) предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей сети "Интернет" и информацию о таких пользователях - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц - от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей. 3. Неисполнение организатором распространения информации в сети "Интернет" обязанности обеспечивать реализацию установленных в соответствии с федеральным законом требований к оборудованию и программно-техническим средствам, используемым указанным организатором в эксплуатируемых им информационных системах, для проведения уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами, мероприятий в целях осуществления таких видов деятельности, а также принимать меры по недопущению раскрытия организационных и тактических приемов проведения указанных мероприятий - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц - от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей. Примечание. За административные правонарушения, предусмотренные настоящей статьей, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как юридические лица.";

4) дополнить статьей 19.7 следующего содержания: "Статья 19.7 . Непредставление сведений или представление заведомо недостоверных сведений в орган, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 1. Непредставление или несвоевременное представление в орган, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, провайдером хостинга или иным лицом, обеспечивающим размещение сайта или страницы сайта в сети "Интернет", данных, позволяющих идентифицировать блогера, либо представление в указанный орган заведомо недостоверных сведений - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц - от пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей.

2. Повторное в течение года совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 настоящей статьи, - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц - от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до тридцати суток."

5) в статье 23.1: а) часть 1 после цифр "13.16," дополнить словами "частью 2 статьи 13.18, статьями", после цифр "13.28," дополнить словами "частями 2 и 3 статьи 13.31, статьями"; б) часть 2 после цифр "19.7 ," дополнить словами "частью 2 статьи 19.7 ,"; 6) в части 1 статьи 23.44 цифры "13.18" заменить словами "частью 1 статьи 13.18, статьями", после цифр "13.30," дополнить словами "частью 1 статьи 13.31,", после слов "(в пределах своих полномочий)" дополнить словами ", статьей 19.7 "; 7) в части 2 статьи 28.3: а) пункт 1 после слов "частью 2 статьи 13.15," дополнить словами "частью 2 статьи 13.18,", после цифр "13.30," дополнить словами "частью 2

статьи 13.31, статьей"; б) пункт 56 после цифр "13.12," дополнить словами "частями 2 и 3 статьи 13.31,". Статья 3 Внести в Федеральный закон от 7 июля 2003 года N 126-ФЗ "О связи" (Собрание законодательства Российской Федерации, 2003, N 28, ст. 2895; 2006, N 31, ст. 3431; 2007, N 7, ст. 835; 2010, N 7, ст. 705; N 31, ст. 4190; 2012, N 31, ст. 4328; N 53, ст. 7578; 2013, N 30, ст. 4062; N 44, ст. 5643; N 48, ст. 6162) следующие изменения:

1) абзац второй пункта 2 статьи 44 после слов "исполнении договора об оказании услуг связи," дополнить словами "порядок идентификации пользователей услугами связи по передаче данных и предоставлению доступа к информационно- телекоммуникационной сети "Интернет" и используемого ими оконечного оборудования,";

2) в статье 46: а) абзац третий пункта 1 после слова "функционирования" дополнить словами ", а также требований, предусмотренных пунктом 2 статьи 64 настоящего Федерального закона"; б) пункт 5 дополнить словами ", а также обеспечивать установку в своей сети связи предоставляемых в порядке, предусмотренном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, технических средств контроля за соблюдением оператором связи установленных статьями 15 - 15 указанного Федерального закона требований".

Статья 4 Настоящий Федеральный закон вступает в силу с 1 августа 2014 года. Президент Российской Федерации В. Путин © 1998-2017 ФГБУ «Редакция «Российской газеты»

Приложение 3

Авторская колонка в газете «Известия

”<http://iz.ru/news/501089>

Может быть, проще запретить Жириновскому произносить слово «русский», особенно перед выборами

Филолог Максим Кронгауз — о лингвистических особенностях предвыборной борьбы

19 сентября 2011, 20:00

Предупреждаю. Я хороший. Я за хороших. Но я против лингвистической экспертизы по статье 282 УК РФ, даже если она в пользу хороших. Потому что это вранье. За хороших можно бороться и с помощью вранья, но вот наука (а лингвистика — наука) врать не должна.

В статье 282 говорится о наказании за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации».

Статья изначально вызывает вопросы. Даже очевидный призыв «Бей ...» то «возбуждает», то «не возбуждает», в частности, в зависимости от того, что считать социальной группой. Но перейду к делу.

На днях произошло сразу несколько событий. Во-первых, партия ЛДПР пошла на выборы под лозунгом «ЛДПР за русских». Во-вторых, за этот лозунг правозащитники собрались подавать в суд на Жириновского. В-третьих, лингвистическая экспертиза признала, что лозунг «Русские, вперед!» в условиях несанкционированного митинга, прошедшего 11 декабря 2010 года на Манежной площади, был провокационным. В-четвертых, те же эксперты установили, что высказывание «Я — русский человек» является нейтральным, так как не воздействует на психику. Не уверен, что в последнем случае речь идет именно о 282-й. Но в любом случае лингвистическая экспертиза признала провокационность, а она этого делать тоже не должна.

Итак, если ЛДПР за русских, есть ли в этом разжигание и возбуждение? С одной стороны, нет, потому что высказываются только позитивные эмоции — «за», а не «против». С другой стороны, просто так «за» не говорят, а только в ситуации противопоставления. Если за Петю, то против того, с кем у Пети спор. С одной стороны, если бы это по-русски вдруг сказал Барак Обама, то мы бы были довольны, тем более что русскими иногда называют всех граждан России. С другой стороны, поскольку это «сказал» Жириновский, то мы-то с вами понимаем, что он имел в виду. Но, может быть, тогда проще в судебном порядке запретить Жириновскому произносить слово «русский», особенно перед выборами. Хотя это все-таки слишком.

Дело с Манежной тоже не вполне ясно. В лозунге «Русские, вперед!» эксперты увидели провокационность. Но в условиях того митинга любой лозунг мог бы считаться провокационным. Скандирование одного слова «русские» выполняло бы ту же функцию. Не понятна и логика экспертов, признавших высказывание «Я — русский человек» нейтральным (так как оно не воздействует на психику). Я представляю себе ситуацию и интонацию, когда эта фраза звучит угрожающе, и тем самым «воздействует на психику». Вот, например, толпа скандирует: «Мы — такие-то!», «Мы — такие-то!». По-моему, страшно.

На основе непроверенной информации из СМИ трудно делать конкретные выводы. Скажу в целом. Статья 282-я работала бы, если бы речь шла о призывах и четкой определенности групп, которые нельзя затрагивать публично. Ее формулировка обязана быть понятной не только специалисту, но и всем говорящим по-русски. Теперь же мы оказались втянуты в некую юридическую игру. Прямые призывы запрещены, их и не используют. Зато используют подтекст, намеки и умолчания. Запрещать подтекст бессмысленно. Если он кому-то нужен, он просто будет уходить все глубже. Ввести же запрет на публичное использование названий национальностей наше общество вряд ли готово. Журналистам, пишущим о преступлениях, уже было рекомендовано не называть этническую принадлежность преступников, но это не соблюдается.

Кто-то еще помнит времена советской цензуры. Плохого цензора можно было обмануть, а хорошего нет. Хороший на всякий случай запрещал всё. Особенно прозаiku Сидорову и поэту Петрову, потому что они по определению ничего хорошего про советскую власть сказать не могли.

Экстремизм, конечно, надо запрещать. И возбуждение ненависти, и призывы

к ней тоже. А подтекст, умолчание, подмигивание — нет. Потому что один эксперт напишет, что обвиняемый подмигивал, намекая, — и значит, возбуждал, а другой — что у обвиняемого непроизвольно дергался глаз. В общем, просто не пишите экспертизы про «возбуждение». Берегите себя.

Автор — директор Института лингвистики РГГУ